

На правах рукописи
УДК 008(091) + 7.04.

СИДОРОВА Галина Петровна

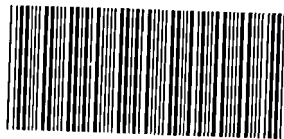
**СОВЕТСКИЙ ТИП ХОЗЯЙСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ В МАССОВОМ ИСКУССТВЕ
1960–1980-х гг.: ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ**

Специальность: 24.00.01 – теория и история культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора культурологии

28 МАР 2013

Санкт-Петербург
2013

005050966

A stylized handwritten signature in black ink, consisting of several loops and a long horizontal stroke.

Работа выполнена на кафедре теории и истории культуры Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

**Научный
консультант**

Доктор искусствоведения,
профессор
Мосолова Любовь Михайловна

**Официальные
оппоненты:**

доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Республиканского гуманитарного института (ИППК РГИ) Санкт-Петербургского государственного университета

Уваров Михаил Семенович;

доктор культурологии, доцент кафедры искусствоведения Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств

Демшина Анна Юрьевна;

доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и межкультурных коммуникаций, теории языка и журналистики Мурманского государственного гуманитарного университета

Вагинова Лидия Сергеевна

**Ведущая
организация:**

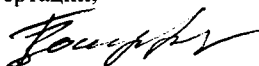
ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Защита состоится «27» 05 2013 г. в 15 часов на заседании Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.199.23 при Российском государственном педагогическом университете имени А. И. Герцена по адресу: 197046, Санкт-Петербург, ул. Малая Посадская, 26, ауд. 317.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, корпус 5.

Автореферат разослан «15» 02 2013 г.

Ученый секретарь Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций,
кандидат культурологии

Бондарева В. Н.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена исследованию советской хозяйственной культуры повседневности 1960–1980-х гг., воплощенной в образах советского массового искусства. Хозяйственная культура рассматривается в работе как способ и результат организации человеческой деятельности, в совокупности всех подсистем и форм предметности культуры, направленный на получение материальных и духовных благ. Советская хозяйственная культура 1960–1980-х интерпретируется как подсистема национального типа социалистической культуры индустриального общества.

Актуальность темы исследования связана с глубокой укорененностью современной российской культуры в советской культуре 1960–1980-х; с огромным общественным интересом и противоречивым отношением к советскому культурному наследию, стремлением целостно его понять и по достоинству оценить. Период 1960–1980-х гг. представляет собой богатый исторический материал для понимания сложной системной целостности советской культуры, взаимосвязи ее подсистем, форм предметности и уровней; для понимания того, какая взаимосвязь существует между хозяйственными и художественными практиками, как происходит адаптирование специализированных форм предметности культуры в повседневные формы. Необходимо также понять, насколько адекватно воплощен в образной форме советский тип хозяйственной культуры и какова роль массового искусства в формировании ценностных ориентаций субъекта хозяйственной деятельности.

Изучение хозяйственной сферы культуры было и остается актуальным, потому что хозяйство, как справедливо утверждал С. Н. Булгаков, связано с борьбой за жизнь. При этом до сих пор не раскрыт теоретический потенциал самого понятия «хозяйственная культура»: отсутствует его системно-целостное научное определение. Изучение повседневности во всех ее проявлениях обусловлено современной социокультурной ситуацией: процессом размыwania границ между официальной и неофициальной культурой, современным уровнем понимания культуры как многомерной системной целостности и стремлением, пользуясь выражением В. Д. Лелеко, связать повседневность как микроисторический уровень жизни с макроисторией, показать их взаимодействие. Изучение повседневности актуализируется тем, что на фоне указанных процессов в общественном сознании и даже в современной культурологической литературе сохраняется парадоксальная традиция отождествлять культуру повседневности с культурой быта как сферой внепроизводственной деятельности людей.

Актуальность изучения хозяйственной культуры именно в образах массового искусства обусловлена тем, что искусство является самосознанием, «зеркалом» и «кодом» культуры (М. С. Каган). В нем сосредоточена многоуровневая художественная информация, оно способно целостно представлять человеческий мир, многопланово отражать сознание общества и личности. Вместе с тем известна особая идеологическая функция искусства в системе советской культуры, особенность которой до сих пор недостаточно изучена.

Обычно она оценивается в инвективном плане. Согласно распространенной точке зрения, советское искусство выполняло, в первую очередь, агитационные функции и потому не являлось полноценным образом реальности.

Изучение ценностного аспекта советской хозяйственной культуры повседневности обусловлено обострившимся интересом российского общества к аксиологической проблематике хозяйственной деятельности, связанной с глубокими изменениями типа общества и кризисными явлениями в современной духовной культуре, поиском ценностных ориентиров жизни человека в контексте нового этапа модернизации российской культуры. Следует отметить, что разрабатываемые сегодня проблемы культуры XX века в конечном счете являются актуальными проблемами нашей культуры. Наблюдение жизни людей советской эпохи вместе с тем «предполагает в определенной мере и самонаблюдение» (А.Я. Гуревич).

Степень научной разработанности темы. Литература, посвященная советской хозяйственной культуре, культуре повседневности, художественной культуре и репрезентации советской культуры в отдельных видах искусства обширна. Однако советский тип хозяйственной культуры повседневности и ее ценностные аспекты, отраженные в массовом искусстве, до сих пор не были предметом специального культурологического исследования. В этом отношении особенно обойден вниманием исследователей период 1960–1980-х гг.

Существующую научную литературу по рассматриваемой теме можно условно разделить на четыре группы. Внутри каждой группы выделяются три комплекса исследований – советские, отечественные постсоветские и зарубежные научные труды.

Первая группа – это исследования советской хозяйственной культуры 1960–1980-х. Исследования советских авторов разворачивались преимущественно в проблемных полях экономики и философии, в меньшей степени – социологии и этнографии, этносоциологии. Внимание экономистов (Л.И. Абалкин, А.Г. Аганбегян, В.Ф. Майер, Н.И. Алексеев, А.О. Базаров, И.-Р. Белицайте, Н.В. Гаретовский, Л.И. Греков, П.Ф. Дубовой, Э.П. Котов, Л.Н. Кузнецова, Т.А. Кулакова, А.Л. Максимов, П. Осипенков, В.С. Пащенко, Б.В. Ракитский, М.П. Саков, Л.М. Сергеева, Н.Д. Сухоруков, С. Шкурко и другие) было сосредоточено, главным образом, на проблемах стимулирования социалистического труда, соотношения моральных и материальных стимулов к труду в условиях хозяйственной реформы, функционирования социалистического хозяйственного механизма. С начала 1980-х объектом исследования становятся социалистический быт – сфера внепроизводственной жизни и домашнее хозяйство, диалектические противоречия в экономической системе коммунизма. На теоретической платформе марксизма противоречия в социалистической экономике интерпретировались как неантагонистические.

В центре внимания советских философов и социологов (А.П. Бутенко, Г.М. Гак, А.Г. Здравомыслов, Л.Н. Коган, Р.И. Косолапов, Б.Д. Парыгин, В.А. Ядов, З.А. Янкова) находились такие проблемы как природа коммунистического труда и его стимулы, отношение к труду, сочетание общественных и личных интересов при социализме, вопросы материального благосос-

тояния городской семьи, а также проблемы социалистического образа жизни и двойной занятости женщин. С начала 1980-х стали обсуждаться вопросы сохранения частного сектора экономики при социализме, проблемы социальной справедливости, функции и социально-психологический климат трудового коллектива. Хозяйственная сфера социалистического быта (домашнее хозяйство) затрагивалась в исследованиях этнографов Л.А. Анохиной и М.Н. Шмелевой, О.Р. Будинной, Е.П. Бусыгина, О.А. Ганцкой, Н.В. Зорина, Ю.В. Крупианской, Р.К. Уразмановой, Л.П. Шабалиной. В контексте идеологии того времени некоторые проблемы быта интерпретировались как пережитки прошлого, а достижения в развитии сферы быта – как преимущества социализма.

В годы Перестройки, на рубеже 1980–1990-х гг. многие советские экономисты и социологи (Я. Кузьминов, В. Найшуль, В. Попов, Н. Шмелев, В.В. Радаев) отошли от марксистской методологии, обратились к новым темам (предпринимательство, пути модернизации советской экономической культуры), новым источникам, предложили новые концепции социалистического хозяйства. Из поля научных интересов экономистов и социологов выпали проблемы социалистического быта и домашнего хозяйства. В монографии Д.В. Валового была прослежена эволюция взглядов ученых-экономистов на развитие хозяйственного механизма, на его роль в развитии советской экономики в течение 70 лет, а также результаты экономических экспериментов.

В 1990-е годы из крупных экономических трудов по советской хозяйственной культуре выделяются монографии Р.А. Белоусова и Е. Гайдара. В монографии Е. Гайдара «Гибель империи. Уроки для современной России» делается попытка на примере СССР рассмотреть проблемы, с которыми сталкиваются авторитарные режимы, чья экономика в значительной степени зависит от колебаний цен на топливно-энергетические ресурсы. В социологии феномен советской хозяйственной культуры затрагивался в рамках изучения массового сознания советского общества (Ю. А. Левада и др., Б. А. Грушин). В философских трудах Н. Н. Зарубиной, в контексте изучения социально-культурных основ хозяйства, рассматривалась и советская хозяйственная этика, в том числе, культурно-историческая специфика базовых ценностей хозяйственной культуры. Советская хозяйственная культура, в том числе, ценностные мотивации труда, стала объектом исследования новых научных направлений – экономической социологии (В. В. Радаев) и экономической антропологии (А. А. Сусоколов).

В 1990-е годы развернулось историческое изучение советской хозяйственной культуры. Это системные исследования истории, культуры и общества периода «оттепели» и «застоя» (Ю.В. Аксютин, С.Г. Кара-Мурза, В.А. Шестаков). В условиях реформирования российской экономики и перехода к рынку предметом изучения историков (М.А. Безнин, Т.М. Димони, А.А. Вилков, Н.А. Дунаева, Д.С. Точеный) становятся представления сельского населения России о собственности.

В 1990-е годы исследования советской хозяйственной культуры развивались в направлении изучения советской повседневности. Эти исследования принципиально отличались от советских исследований быта смещением ин-

тереса от реконструкции общественного быта и усредненных статистических характеристик (затрат времени на виды деятельности и т.п.) к жизненным проблемам, их эмоциональному переживанию современниками, к экзистенциальному опыту людей. Это исторические и культурологические труды Н. Н. Козловой, П. Вайля и А. Гениса, Н. Б. Лебиной, Л.Б. Брусиловской, А. М. Доценко, Н. П. Лукаш, посвященные периоду 1930–1980-х. Сначала внимание исследователей (Т. Дашкова, О. Вайнштейн, Е. Осокина, Е. Герасимова, И. Утехин, О. Гурова) было сосредоточено преимущественно на анализе материально-вещественной среды (телесности, одежды, практик домашнего хозяйства). В этом отношении особый интерес представляют труды Н. Б. Лебиной, в которых советская история рассмотрена как совокупность окружающих человека житейских мелочей. Постепенно в поле научных интересов включилась производственная повседневность – личностная ценностная мотивация труда, ежедневные обстоятельства работы, взаимодействия работников с властью в общественном производстве, восприятие проблем производительности труда, трудовой дисциплины (А. М. Маркевич, А. К. Соколов, И. Б. Орлов, Н. Л. Пушкарева, Ван дер Линден, С. Коткин, Ст. Мерль, К. Уорд, К. Строс, В. Эндрле). Исследования производственной повседневности преимущественно посвящены периоду 1920–1930-х и позднего сталинизма.

Исследованию советской повседневности посвящен ряд трудов зарубежных авторов. Внимание исследователей Д. Бартлетт, В. Бучли, Ю. Гронова, Ш. Фицпатрик и других было направлено преимущественно на изучение тоталитарного периода 1930–1950-х и материально-вещественной среды. Труд Ж. Миллер затрагивает, а исследование В.С. Тяжельниковой (Нидерланды) посвящено изучению повседневности «семидесятых». Монография М. Малиа «Советская трагедия: История социализма в России» представляет собой попытку осмыслить все 70 лет развития советской культуры, в том числе, выяснить причины неудач хозяйственных реформ Хрущева, кризиса сельского хозяйства, свертывания экономической реформы 1965 года и роль «теневого» сектора экономики в социалистической системе.

Теоретическое осмысление повседневности раскрывается в трудах зарубежных и отечественных ученых А. Шюца, Ф. Броделя, П. Бурдьё, Де Серто, Э.А. Орловой и А.А. Флиера, О.Л. Леоновой, Л.Г. Ионина, Г.С. Кнабе, Н.Н. Козловой, Н.Б. Лебиной, В.Д. Лелеко, Н.Л. Пушкаревой, А.С. Сениянского, М.С. Уварова и Е.Н. Шапинской.

Вторая группа литературы – это исследования отечественного искусства 1960–1980-х. Исследования советских авторов – В.Ф. Асмуса, А.Ф. Еремеева, М.С. Кагана, И.А. Виноградова, М.Ф. Овсянникова, Ю.Э. Борева (в первую очередь, теоретическое осмысление содержания и функций искусства) разворачивались в проблемных полях марксистско-ленинской эстетики, где подчеркивался общественный характер эстетического отношения человека к действительности и диалектический характер отражения действительности искусством, особая общественная и художественная ценность реалистического искусства и его высшего достижения – искусства социалистического реализма. Внимание философов, искусствоведов, социологов и психологов

было сосредоточено на осмыслении воспитательной и ценностно-ориентирующей функций советского искусства, его роли в формировании мировоззрения советского человека. Эта проблематика представлена в трудах М. С. Кагана и Е. В. Можуховской, О. И. Никифоровой и О. С. Чубарьяна, М. Г. Ханина и других. Значительное количество научных трудов – авторских и коллективных монографий посвящено историко-теоретическому осмыслению видов и жанров советского искусства – художественной литературы, театра, кино, музыки (в том числе нового жанра – музыки кино), изобразительного искусства.

На рубеже 1980–1990-х ведущей тенденцией в теоретическом осмыслении искусства среди отечественных авторов, особенно ярко проявившейся в работах Б. Гройса, Е. Добренко, А. Морозова, М. Чудаковой, С. Шведова, Д. Быкова стало «разоблачение» социалистической идеологии, цинизма взаимоотношений деятелей искусства с властью, критические интерпретации метода соцреализма и соцреалистических произведений. Произошла инверсия многих ценностей советской культуры. В художественной культуре померкла слава метода социалистического реализма; классиков советской литературы потеснили другие имена и произведения (И. В. Кондаков). Разоблачительная тенденция ярко проявилась в коллективной монографии «Семидесять лет как предмет истории русской культуры», посвященной искусству «семидесятью», проанализированному в широком социокультурном контексте.

В 2000-е гг. в отечественной философии искусства Т. А. Кругловой впервые был выполнен системный анализ советского искусства, в основу которого положено осмысление связи между советским образом жизни и художественным процессом. Складывался культурологический подход к изучению советского искусства. Его отличает стремление отойти от однозначных негативных оценок, рассмотреть искусство в контексте развития культуры. Это коллективная монография ученых Государственного института искусствознания «Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое» (2001), труды С. Я. Кагарлицкой, посвященные советской драматургии и театру 1960–1980-х; М. А. Черняк по массовой литературе, Н. Л. Лейдермана и М. Н. Липовецкого по русской литературе 1950–1990-х; Н. М. Зоркой по искусству кино; В. П. Конева по советской художественной культуре 1930–1980-х; Л.В. Никифоровой, посвященные феномену дворца в русской художественной культуре; М.Ю. Германа по проблемам модернизма в живописи; труды Е. А. Богатыревой, посвященные методу соцреализма; труды Т.А. Филановской о хореографической культуре; исследования К.М. Курлени и Т. В. Букиной, посвященные культурологической теории музыки и музыкальной культуре России. В последние пятнадцать лет появились крупные системные исследования советской культуры как единого целого, во взаимосвязи исторических событий, лиц и художественных явлений – труды П. Вайля и А. Гениса, Л. Ионина, И. В. Кондакова, Н.Ю. Костюриной, Х.Г. Тхагапсоева, М.В. Рон, А. В. Костиной, Л. А. Булавки, А. К. Якимовича, Н. М. Зоркой и Е. В. Сальниковой. В этом отношении также интересна серия книг «Поликультурное пространство Российской Федерации» издаваемая под общим научным

руководством Л.М. Мосоловой, где целостно представлена историческая панорама развития культуры народов во всех крупных регионах.

Исследованию советского искусства посвящен ряд трудов зарубежных авторов, созданных в 1970–1990-е. В центре внимания исследователей было искусство преимущественно тоталитарного периода. Английский исследователь В. Данэм рассмотрела самые популярные в СССР производственные романы сталинского времени и выявила воплощенные в них ценности формирующегося советского среднего класса. В монографиях В. Боннел, Г. Хоскинга, Р. Марша, П. Кенеза и Ж. Уолла анализируется искусство политического плаката 1917–1953, художественная литература и киноискусство периодов тоталитаризма, «оттепели» и «семидесятых»; прослеживается резонанс подходов к осмыслению бытия в науке, политике и искусстве.

Третью группу составляют исследования, посвященные осмыслению искусства как информационного ресурса и способа образного постижения культуры. В советский период осмысление художественных методов познания культуры, познавательных возможностей искусства велось в проблемных полях исторического и этнографического источниковедения, философии и теории литературы (А.В. Предтеченский, Л.Н. Гумилев, М.Г. Рабинович, Е.И. Филиппова, Н.И. Миронец, М.С. Каган, Ю.М. Лотман). В ряде монографий и статей М. С. Каган последовательно теоретически обосновывает уникальные познавательные, социализирующие и аксиологические возможности искусства. В статьях Ю. М. Лотмана анализируется специфика функционирования художественных текстов в процессе трансляции культуры и уникальные информационные возможности массовой литературы. Совместные труды Ю. М. Лотмана и Ю. Г. Цивьяна посвящены семиотике кино. Авторы в них рассматривают фильмы как текст культуры.

В 1990-е и 2000-е годы осмысление искусства как источника культурологической информации и разработка методологических принципов системного изучения художественной культуры получают продолжение в трудах С.О. Шмидта, М.С. Кагана, М.С. Уварова, Л.М. Мосоловой, И.И. Докучаева, А.К. Соколова, Т.Ю. Дашковой, С. Махлиной, И.Б. Орлова, В.В. Зверева, Т.Н. Суминовой, И.А. Манкевич, В.Е. Хализева, Ю.М. Шора и других авторов. В трудах Л. Гудкова, М. Могильнер, Т.Ф. Кузнецовой, Ю.А. Полякова, М.А. Черняк, И.А. Манкевич, И.Б. Орлова теоретически обосновано и практически доказано положение об уникальных информационных возможностях массовой литературы и беллетристики, их особой значимости для репрезентации и изучения истории и культуры повседневности.

Художественные методы познания культуры и открываемые ими познавательные перспективы осмысливаются в философских трудах и трудах по семиотике искусства зарубежных авторов: М. Хайдеггера, Р. Барта, Л. Малви, Д. Кирби, Р. Марша.

Четвертую группу составляют труды, посвященные анализу репрезентации советской культуры в образах советского искусства. Здесь выделяются три направления исследований. Первое – исторический и социологический анализ произведений советского искусства как источников для изучения со-

циокультурной реальности. Научных трудов этого направления немного. В 1980-е «деревенская проза» использовались социологом Л. Б. Волюнской в качестве эмпирической базы для изучения ценностных ориентаций в системе факторов миграционной подвижности сельского населения. В 2000-е годы к анализу советской художественной литературы и кино обратилась Т.М. Димони в ходе изучения процесса модернизации аграрной экономики. Историк М. В. Антонова для воссоздания картины семейного быта 1950–1960-х использовала произведения В. Аксенова, Д. Гранина, И. Грековой, Г. Гора. За рубежом исследователями Д. Бартлетт, В. Бучли, В. Данэм, Ю. Гроновым, Ш. Фицпатрик произведения советского искусства использовались как источники в трудах, посвященных изучению ценностных ориентаций советского общества и повседневности 1930–1950-х.

Второе направление – философские, искусствоведческие, литературоведческие исследования, литературная, театральная и кинокритика. Предметом исследования являются взаимоотношение искусства с общественной жизнью, художественный образ, художественный метод, направление, стиль. В 1960–1980-х анализ произведений советского искусства строился на марксистско-ленинской методологии. Приоритетная тема – воплощение социалистического труда в изобразительном искусстве (М. С. Каган, Е. В. Можуховская, Б. М. Никифоров, В. И. Галеева и Э. Кузнецова, Е. В. Николаева) и образы коммунистов в литературе (В.М. Пискунов). Анализу художественного воплощения современности и социалистического хозяйства в литературе, драматургии и кино посвящен огромный пласт критических статей М. Амузина, А. Гаврилова, Л. Gladковской, Ф. Кузнецова, Ю. Кузьменко, В. Литвинова, А. Медникова, В. Новикова, А. Павловского, М. Сапарова, В. Фролова, Г. Цуриковой, А. Чепурова и других авторов. Подчеркивалось, что на первом плане в литературе о рабочем классе стоит проблема личности. На рубеже 1980–1990-х с позиций «разоблачительного» подхода анализируются репрезентации социалистического труда, коллективизма и закона в популярных советских романах (С. Шведов); репрезентации женщины в советском киноискусстве (Л. Х. Маматова); проблема мифологии труда в советском и постсоветском кино (Д. Быков).

В 1990-е годы стремительно развивается третье направление – культурологическое, изучающее культуру как целостный способ человеческого существования, определенное внутреннее единство всех форм предметности. Это труды П. Вайля и А. Гениса, Е. Добренко, И.В. Кондакова, Л.М. Мосоловой, Т.Ю. Дашковой, Л.Б. Брусиловской, Л.В. Никифоровой. Анализ репрезентаций советской культуры в искусстве 1930–1980-х включается в семиотическую реконструкцию повседневности: труды В. Аристова, Н.Б. Лебиной, А.Н. Чистикова, М.В. Селемновой, О.В. Теплинского, И.В. Саморуковой, А.А. Курбановского, Т.В. Глазковой, Н.В. Глебкиной, А.М. Безгрешновой и А.А. Васильевой, Ю.В. Лобановой, А.С. Ивановой и других.

Но при наличии обширной научной литературы, посвященной советской хозяйственной культуре, советской повседневности и художественной репрезентации некоторых форм хозяйственной повседневности, до настоя-

шего времени не было попыток многосторонне-целостно рассмотреть и осмыслить советскую хозяйственную культуру повседневности через призму искусства. *Гипотезой диссертационного исследования* является предположение о том, что массовое искусство является ничем не заменимым источником познания хозяйственной культуры повседневности и ценностного мира ее субъекта. Советское искусство явилось не только образным методом целостного представления реальности, взаимодополнительным к научным исследованиям действительности. Оно оказалось способным точнее и раньше, чем наука, обнаруживать и запечатлевать особенности и противоречия множества сложнейших социокультурных процессов и явлений, которые привели советскую хозяйственную систему к последующей радикальной ломке, а также изменению многих аксиологических оснований бытия людей.

Объект исследования – советская культура 1960–1980-х гг.

Предмет исследования – советская хозяйственная культура повседневности и ценностный мир ее субъекта, воплощенные в образах массового искусства 1960-1980-х гг.

Цель исследования – на основе предложенной философско-культурологической интерпретации феномена хозяйственной культуры проанализировать художественные образы советской хозяйственной культуры повседневности, выявляя историко-типологические особенности аксиологии ее субъекта, а также показать возможности советского массового искусства в художественном постижении ценностного мира советского человека 1960–1980-х.

Достижение цели потребовало решения целого ряда взаимосвязанных задач:

- сформулировать и обосновать философско-культурологическое определение хозяйственной культуры; дать интерпретацию повседневности и определение хозяйственной культуры повседневности; обосновать выделение ценностного мира субъекта хозяйственной культуры в качестве предмета исследования;

- определить историко-типологические особенности советской хозяйственной культуры 1960–1980-х; рассмотреть факторы развития и особенности ее структуры; выявить аксиологические типы советского человека как субъекта культуры;

- рассмотреть массовое искусство как феномен советской художественной культуры и выявить культурно-исторические особенности его морфологии;

- дать теоретическое обоснование изучения культуры повседневности через анализ произведений массового искусства;

- исследовать виды и жанры советского массового искусства 1960–1980-х на предмет образного воплощения в них советской хозяйственной культуры повседневности: выявить доминировавшие виды и жанры искусства, наиболее полно воплотившие образы хозяйственной деятельности в динамике культуры от «оттепели» к «семидесятым»;

– рассмотреть мир субъекта советской хозяйственной культуры через воплощение в образах массового искусства форм ее духовной предметности – знаний, ценностей, проектов;

– рассмотреть мир субъекта советской хозяйственной культуры через воплощение в образах массового искусства форм ее материальной предметности – телесности субъекта, технических вещей, социальных организаций.

Хронологические рамки исследования. В диссертации рассматривается период поздней советской государственности (1960–1980-е). Именно в этот отрезок времени советская культура пришла к системному кризисному состоянию, а затем вектор ее развития повернулся к Перестройке. Тем не менее, советская культура повседневности 1960–1980-х гг. остается менее изученной по сравнению с периодом 1920-х – начала 1950-х.

Методология исследования обусловлена целью и задачами диссертации. Диссертационное исследование проведено с учетом трех уровней изучения феномена культуры. Во-первых, предмет исследования осмыслен с позиции философии культуры; дано философское определение феномена культуры вообще, а также феноменов хозяйственной и художественной культуры. Во-вторых, использованы и обобщены результаты исследований советской культуры, проведенные в рамках специальных культуроведческих дисциплин – истории, социологии, экономики, политологии, филологии, искусствоведения и других наук. В-третьих, основным уровнем изучения советской культуры является собственно культурологический. Советская культура рассматривается как исторический тип эволюционной самоорганизации жизнедеятельности конкретного народа в конкретном пространстве существования. Хозяйственная и художественная культура анализируются как важнейшие и взаимосвязанные подсистемы советской культуры в ее национальной и исторической определенности. Культурологический подход предполагает рассмотрение хозяйственной культуры как определенной целостности, во взаимосвязи всех форм ее предметности, специализированного и обыденного уровней бытования, а также в ее исторической динамике. В диссертации используется системный общенаучный метод исследования в анализе феномена советской культуры и ее хозяйственных и художественных форм. Этот путь в изучении культуры определен в трудах М.С. Кагана, Э.С. Маркаряна, В.С. Степина, Э.А. Орловой, К.Б. Соколова, А.Я. Флиера, М.С. Уварова, Л.М. Мосоловой, С.М. Иконниковой.

Для решения поставленных в диссертации задач использовался целый комплекс методов:

– Компаративный метод (синхронический и диахронический) позволил выявить характер изменений советского типа хозяйственной культуры и аксиологических типов ее субъекта от периода «оттепели» к «семидесятым» в динамично меняющихся образах массового искусства.

– Структурно-функциональный анализ был использован при рассмотрении советской хозяйственной культуры как системы, состоящей из взаимосвязанных структурных элементов, несущих определенную функциональную нагрузку.

– Семиотический метод позволил обнаружить скрытые в различных текстах основные «коды» советской культуры – уникальные особенности духовной жизни людей данного типа культуры.

– Герменевтический метод дал возможность интерпретировать текст – высказывания, действия, представления героев произведений искусства так, что в них выявляются, конструируются, достраиваются скрытые смыслы культуры.

– Контент-анализ дал возможность обнаружить значимые для советского человека 1960–1980-х гг. ценности хозяйственной деятельности, выявить ценности повседневной реальности и выделить основные аксиологические типы субъектов советской хозяйственной культуры в динамике их качественно-количественного соотношения.

– Метод исторической типологии позволил определить советскую хозяйственную культуру 1960–1980-х как подсистему национального типа социалистической культуры индустриального общества, а советское массовое искусство – как социалистический тип массового искусства, обладающий уникальными чертами и специфическими ценностными ориентациями.

Задача формулировки философско-культурологического определения хозяйственной культуры и обоснование авторского понимания специализированного/повседневного уровней хозяйственной культуры решалась с опорой на труды С. Булгакова, Т. И. Заславской, Н. Н. Зарубиной, А. В. Савки, К. Ф. Завершинского, В. В. Радаева, О. Л. Леоновой, Э. А. Орловой и А. Я. Флиера М. С. Кагана, А. Шюца, Ф. Броделя, П. Бурдьё, Л. Г. Ионина, Г. С. Кнабе, Н. Н. Козловой, Н. Б. Лебиной, В. Д. Лелеко, Н. Л. Пушкаревой, А. С. Сенявского. Выделение ценностного мира хозяйственной культуры в качестве предмета исследования теоретически основано на трудах М. Вебера, А. Маслоу, М. Рокича, Э. С. Маркаряна, М. С. Кагана, Б. С. Ерасова, Н. Н. Зарубиной, А. С. Кармина.

Проблема исторической типологии советской хозяйственной культуры 1960–1980-х и ее субъектов решается с опорой на представление о традиционном и современном, индустриальном типах культуры и общества в трудах по теории модернизации С. Хантингтона, Ф. Риггса, Э. Шилза, С. Эйзенштадта. Историко-типологические характеристики советской культуры, общества и человека 1960–1980-х построены на основе трудов В. Данэм, М. Малиа, А.С. Ахиезера, С.Г. Кара-Мурзы, В.В. Радаева, О.И. Шкаратана, П. Вайля и А. Гениса, И.В. Кондакова, Л.Б. Брусилловской, Л.Г. Ионина, Б.А. Грушина, Ю.В. Аксюткина, Л.Н. Денисовой, А.А. Сусоколова, Л.В. Никифоровой, Л.А. Булавки, Н.А. Хренова. Особенности российско-советского менталитета выявлялись на основе трудов Н. Бердяева, К. Касьяновой, И.В. Кондакова, Д.С. Лихачева, А.В. Лубского, Г.Л. Тульчинского, В.В. Кочеткова, С. Грина, Е.И. Сильновой. Аксиологическая типология человека – субъекта культуры опирается на труды А. Маслоу, Э. Фромма, М. Рокича, Ю. Левады, М.С. Кагана, Б.С. Ерасова, Н.П. Лукаш, А.К. Якимовича.

Рассмотрение феномена массового искусства строится на основе концепций массовой культуры и искусства в трудах Д. Кавелли, Г. К. Честерто-

на, М. Элиаде, П. Бурдьё, Ю. М. Лотмана, Л. Гудкова, Е. Г. Соколова, В. П. Руднева, Е. Н. Шапинской, Т. Ф. Кузнецовой, А. В. Костиной, Е. Н. Тарасенко. Задача определения историко-типологических особенностей советского массового искусства решалась на основе трудов Е. А. Богатыревой, Л. Б. Брусиловской, Л. А. Булавки, П. Вайля и А. Гениса, Е. Добренко, Т. Ильиной, Н. М. Зоркой, И. В. Кондакова, В. П. Конева, Т. А. Кругловой, Н. Л. Лейдермана и М. Н. Липовецкого, М. А. Черняк, Л. В. Никофоровой, А. В. Костиной, А. К. Якимовича.

Теоретическим обоснованием изучения хозяйственной культуры повседневности через образы массового искусства являются концепции художественных методов познания культуры, информационных ресурсов художественной культуры и массового искусства, представленные в трудах М. С. Кагана, Ю. М. Лотмана, Л. Гудкова, Л. М. Мосоловой, И. И. Докучаева, В. Е. Хализева, Т. Ф. Кузнецовой, М. Могильнер, А. В. Костиной, Т. Н. Суминой, М. А. Черняк, В. П. Конева, Ю. М. Шора, И. А. Манкевич.

Семиотический и герменевтический анализ текстов советского массового искусства опирается на труды Х. Г. Гадамера, Ж. Деррида, Р. Барта, Г. Г. Шпета, В. Я. Проппа, Ю. М. Лотмана, Г. С. Кнабе, И. И. Докучаева, Т. Суминой, Н. Л. Пушкаревой.

Источниковую базу исследования составляют аутентичные художественные тексты советского массового искусства 1960–1980-х – более 400 произведений художественной литературы, драматургии, кино, изобразительного искусства (графики, живописи, скульптуры), музыки. Использование материала почти всех видов искусства обусловлено стремлением достичь системного и целостного видения и понимания советской культуры.

Важное значение имеют официальные документы 1960–1980-х гг., где представлен специализированный дискурс о социалистической культуре и обществе: Конституции СССР 1936 и 1977 гг.; документы КПСС, в том числе, Программа 1961 года, «Моральный кодекс строителя коммунизма», отчетные доклады и директивы XXII–XXVII съездов; указы и постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР; систематизированные законодательные акты – Уголовный кодекс РСФСР (1960–1983) и Жилищный кодекс РСФСР 1983 года. Использовались также документы личного происхождения – фотографии периода 1960–1980-х гг. из семейных альбомов автора.

Для реконструкции социокультурного контекста 1960–1980-х гг. важным источником является советская периодическая печать. Материалы общественно-политических и литературно-художественных журналов «Аврора», «Дружба народов», «Звезда», «Знамя», «Молодая гвардия», «Москва», «Наш современник», «Нева», «Новый мир», «Октябрь», «Юность», специализированных журналов «Советский экран» и «Театр», а также их тиражи от начала 1960-х до середины 1980-х, позволили проследить процессы и основные тенденции развития советской художественной культуры, массового искусства, массового общества, взаимосвязь художественной культуры и общества (читательские/зрительские интересы).

Важнейшим источником реконструкции культурно-исторической реальности 1960–1980-х гг. являются социологические труды советских авторов (РСФСР, БССР, Эстонской ССР), посвященные изучению читательских интересов современного общества. В диссертации использованы статьи и книги В. Я. Аскаровой, М. Д. Афанасьева, Е. Васильевой, Г. Н. Горевой, Н. Е. Добрыниной, В. Г. Зайцева, Л. М. Иньковой, Э. Кравцевича, Г. Ф. Куцева, Т. Н. Мальковской, И. П. Осиповой, Е. И. Павловой, Е. Н. Петровой, Л. Я. Полковниковой и Л. А. Соловьевой, А. И. Рейтблат, К. Санько, О. С. Чубарьяна, Ф. Э. Шереги и др.; коллективные монографии «Читательские интересы рабочей молодежи» (1966), «Читателям – лучшие книги (Из опыта работы библиотек республики)» (Минск, 1966), «Советский читатель. Опыт конкретно-социологического исследования» (1968), «Книга и чтение в жизни небольших городов» (1973), «Читательские интересы школьников и работающей молодежи» (1976), «Советский читатель – рабочий: Методические рекомендации» (1977), «Читательский спрос в массовых библиотеках» (1978), «Чтение подростка и библиотека» (Таллин, 1980), «Книга, чтение, библиотека. Советские исследования по социологии чтения, литературы, библиотечного дела 1965–1985 гг.» (1987).

Важным источником изучения социокультурного контекста 1960–1980-х гг. являются мемуары известных людей, современников эпохи. В работе над диссертацией использованы воспоминания О. Анофриева, Г. Данелия, Э. А. Быстрицкой, М. Влади, Э. А. Рязанова, О. П. Табакова, Н. Ургант, В. Шендеровича, автобиографическая проза А. Макаревича, М. Веллера и других.

На защиту выносятся положения:

– В связи с тем, что основное понятие диссертации «хозяйственная культура» получило одностороннее толкование с позиций частных наук, автор предлагает его генерализованное определение с точки зрения философии культуры. Хозяйственная культура – это способ и результат организации человеческой деятельности в совокупности всех подсистем, форм предметности и уровней культуры, направленный на получение материальных и духовных благ.

– Под повседневностью понимается область «микроуровня истории», жизненно-практическое пространство человека, наполненное конкретными вещами и событиями. Соответственно, хозяйственная культура повседневности – это каждодневные организационные практики, направленные на получение материальных и духовных благ в континууме повседневности, которые осуществляются как на индивидуальном, так и на массовом уровнях.

– Советская хозяйственная культура 1960–1980-х гг. – морфологический компонент или подсистема культуры советского общества эпохи его поздней государственности. Это подсистема национального типа социалистической культуры индустриального общества, в котором противоречиво соединялись доминирующая административно-командная и нелегально работающая рыночная экономические системы, доминирующая инновационная культура и культура традиционная в старых и новых формах. Субъект культуры – человек индустриального социалистического общества, представлен-

ный тремя аксиологическими типами: «строитель коммунизма», «честный труженик», «обыватель».

– Социокультурным контекстом художественных текстов 1960–1980-х гг. выступают системные изменения аксиологического компонента советской культуры: падение значимости социалистических ценностей, на специализированном уровне неявно проявившееся в изменениях Уголовного кодекса РСФСР, в смягчении наказаний за преступления против социалистической собственности и частнопредпринимательскую деятельность. При этом продолжалось декларативное утверждение ценности социалистической собственности и исторической обреченности частного сектора хозяйства.

– В диссертационном исследовании искусство выступило в качестве специального базового источника для изучения советской хозяйственной культуры, поскольку в культурологической интерпретации оно определилось как самосознание, «зеркало» и «код» исторических, региональных, национальных и этнических типов культуры. В отличие от научных интерпретаций отдельных явлений, сторон и процессов развития советской культуры, искусство способно многопланово и глубоко, конкретно-чувственно и достоверно представлять в художественных образах сложную целостность советской реальности. Именно массовое искусство выступило ничем не заменимым источником для постижения ценностного мира людей периода поздней советской государственности, ценностно-смысловой стороны их хозяйственной деятельности. Предпринятый анализ хозяйственной культуры советских людей через призму ее образных отражений в массовом искусстве показал результативность обращения к искусству как источнику.

– Советское массовое искусство 1960–1980-х гг. – это национальный тип массового искусства, подсистема массовой художественной культуры. В его духовно-содержательном, морфологическом и институциональном измерениях выделяется ряд культурно-исторических особенностей, главная из которых – двойственность. Во-первых, двойственность создаваемой картины мира и места в нем человека. Во-вторых, в морфологическом измерении выделялись виды и жанры, прямо связанные с идеологией: массовая песня и плакат, а также виды и жанры, отделившиеся от прямой связи с идеологией и наиболее полно отобразившие образы хозяйственной деятельности: живопись, литература, драматический театр, искусство кино и телевидения. В-третьих, в институциональном отношении были характерны не только цензурные запреты и ограничения, но и двойственное отношение к злободневным остросоциальным произведениям: их не запрещали и не поощряли. Институциональными особенностями были централизованно-плановый характер художественного производства и социалистическая коммерция в распространении художественной продукции. В аспекте художественного потребления характерна широкая доступность одних и дефицит других произведений искусства. В «семидесятые» индивидуализировалось художественное потребление и развивалась тенденция демонстративного потребления (подписных изданий, грамзаписей, произведений живописи и т.п.).

– Аксиологические типы субъекта советской хозяйственной культуры «строитель коммунизма», «честный труженик» и «обыватель» были выявлены с помощью семиотического, герменевтического методов и контент-анализа художественных текстов в сопоставлении с социокультурным контекстом и гипертекстом (советская критика и отзывы читателей/зрителей). Критерием выделения аксиологических типов субъекта выступила ценностная мотивация хозяйственной деятельности (по соотношению декларируемых ценностей и ценностей, выступающих реальными основаниями деятельности). У «строителя коммунизма» личные ценностные ориентации в хозяйственной деятельности полностью совпадают с официальными и декларируемыми ценностями – собственно социалистическими и базовыми ценностями хозяйственной культуры в их социалистической интерпретации. Для «честного труженика» характерно то, что личные ценностные ориентации в большей или меньшей степени совпадают с официальными и декларируемыми ценностями. Хозяйственная деятельность этих типов субъекта также мотивируется общечеловеческими, традиционными нравственными ценностями (честность, ответственность, профессионализм, дисциплина, счастье других, творчество). У «обывателя» личные ценностные ориентации не совпадают с официальными и декларируемыми ценностями. Официальный дискурс о ценностях принимается формально. Хозяйственная деятельность этого типа мотивируется ценностью личного благосостояния, потребления материальных (в первую очередь) и духовных благ, социального статуса. Творчество выступает инструментальной ценностью для получения благ.

– Анализ образов человека и его хозяйственной повседневности в массовом искусстве показывает, что в процессе стремительного развития инновационной научно-технической культуры сохранялись и возрождались в новых формах черты традиционной культуры (распределение трудовых обязанностей в домашнем хозяйстве, выделение «женских» и «мужских» сфер в общественном хозяйстве и т.п.). В хозяйственной деятельности субъекта культуры в разнообразных формах проявлялась российско-советская ментальность: двойственность, гибкое приспособление к инновациям, стремление решать исторические задачи в кратчайшие сроки, приоритет личных отношений над формальными, соборность и эгалитаризм, эскапизм, экзистенциальная ценность высшего образования, недостаточная осознанность обязательной для каждого честности, социальная безынициативность и другие.

– В период «оттепели» ценности декларируемые и ценности, выступавшие реальными мотивациями хозяйственной деятельности большинства субъектов культуры, были согласованы между собой. В «семидесятые» идеологический и повседневный дискурсы о ценностях, мотивирующих хозяйственную деятельность подавляющего большинства субъектов культуры, несогласованы. Ценностный мир подавляющей массы субъектов советской хозяйственной культуры 1960–1980-х гг. – двойственный и противоречивый (за исключением короткого периода «оттепели»).

– От времени «оттепели» к «семидесятым» значение социалистических ценностей в обществе неуклонно снижалось. Ценностные ориентации сме-

щались от социалистических к традиционным и общечеловеческим ценностям, а также к ценностям рыночной экономики и общества потребления.

– Тип «строитель коммунизма» в контексте художественных текстов «оттепели» не является массовым и доминирующим. Он малочисленный, иногда единичный культурный герой. В годы «оттепели» большинство субъектов культуры относятся к типу «честный труженик». «Обыватель» занимает среднее положение. В конце «семидесятых» тип «строитель коммунизма» практически исчезает. Количественно доминирует тип «обывателя». Тип «честного труженика» занимает среднее положение между ними.

– Как в период «оттепели», так и в «семидесятые», искусство образно воплощало всю полноту реального ценностного мира субъекта советской культуры. В нем проявлялись архетипы традиционной, языческой и христианской (тема поиска человеком своего места в жизни, ценности «дом» и «семья») культуры, атеистические и социалистические умонастроения, национальные и общечеловеческие идеалы, а также «обывательские» и даже криминальные мотивации хозяйственной деятельности. Искусство чутко улавливало все тенденции, возникавшие на специализированном и повседневном уровнях хозяйственной сферы культуры. Оно улавливало все сложные трансформации ценностных ориентаций советских людей в хозяйственной деятельности и воплощало их в формах явных и скрытых, учитывая цензурные запреты и ограничения. Массовое искусство действительно являлось самосознанием, «зеркалом» и «кодом» советской культуры.

– Массовое искусство 1960–1980-х гг. в системе советской культуры выполняло ценностно-ориентирующую функцию, но ее содержание не сводится к воспитанию только коммунистического мировоззрения. Социализирующая и ценностно-ориентирующая роль массового искусства была сложной, двойственной и противоречивой. Искусство и отражало всю полноту реального ценностного мира, и формировало ценностный мир субъекта культуры во всей полноте. Таким образом оно исполнило свою основную роль, в какой-то мере подготовив субъекта культуры к тем грандиозным изменениям, которые произошли в годы Перестройки.

– Массовое искусство явилось ничем не заменимым источником познания хозяйственной культуры повседневности и ценностного мира ее субъекта. Оно стало не только образным методом целостного представления реальности, взаимодополнительным к научным исследованиям действительности. Искусство оказалось способным точнее и раньше, чем наука, обнаруживать и запечатлевать противоречия и особенности множества сложнейших социокультурных процессов и явлений, которые привели советскую хозяйственную систему к последующей радикальной ломке, а также изменению многих аксиологических оснований бытия людей.

Научная новизна диссертации состоит в том, что *впервые*

1. системно и целостно проанализирована советская хозяйственная культура повседневности и ценностный мир ее субъекта через их воплощение в образах массового искусства 1960-1980-х гг.;

2. в научный оборот введен значительный эмпирический материал – аутентичные художественные тексты, ранее не изучавшиеся в аспекте отражения советской хозяйственной культуры повседневности и ценностного мира ее субъекта;
3. предложено генерализованное философско-культурологическое определение хозяйственной культуры и определение хозяйственной культуры повседневности;
4. целостно исследована и охарактеризована историко-типологическая модель советской хозяйственной культуры 1960–1980-х;
5. выявлены культурно-исторические особенности морфологии советского массового искусства 1960–1980-х;
6. разработана аксиологическая модель субъекта советской хозяйственной культуры, включающая три типа – «строитель коммунизма», «честный труженик», «обыватель»; определены их типологические характеристики и выявлена динамика их качественно-количественного соотношения;
7. выявлены историко-типологические особенности аксиологии субъекта советской хозяйственной культуры в динамике от времени «оттепели» к «семидесятым»;
8. в образах искусства показаны формы проявления российско-советской ментальности в хозяйственной деятельности субъекта, воспроизводство традиции в новых формах и специфически национальные формы модернизации хозяйственной сферы культуры;
9. выявлены возможности советского массового искусства 1960-1980-х гг. целостно представлять социокультурную реальность, в связи с чем переосмыслена его роль в формировании ценностных ориентаций субъекта культуры.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что исследование позволяет раскрыть новые горизонты философско-культурологического осмысления теории и истории хозяйственной культуры. Сформулированное философско-культурологическое определение хозяйственной культуры и ее структуры, а также определение хозяйственной культуры повседневности могут использоваться в исследованиях конкретных региональных и этнических типов хозяйственной деятельности. Разработанная аксиологическая модель субъекта советской хозяйственной культуры может стать теоретико-методологической основой для изучения других сфер советской культуры периода 1960-1980-х, а также других эпох советской культуры в ценностном аспекте. Выявленные в образах массового искусства особенности ценностного мира советской хозяйственной культуры повседневности, их динамика от времени «оттепели» к «семидесятым» позволяют реконструировать процесс взаимосвязи и взаимовлияния материальной, духовной и художественной подсистем советской культуры в организации социалистического хозяйства. Системно-целостное изучение ценностного мира субъекта советской хозяйственной культуры через его воплощение в массовом

искусстве вносит значительный вклад в раскрытие взаимосвязи подсистем, форм предметности и уровней культуры.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что выводы и материалы могут быть использованы:

- в преподавании культурологии, философии культуры, истории, экономики, истории искусства в учебных заведениях всех уровней, от средней школы до вузов;

- такие аспекты исследования как проявления российско-советской ментальности в хозяйственной деятельности субъекта могут явиться основой для решения конкретных проблем в сфере современной хозяйственной культуры;

- результаты исследования могут применяться в обновлении организации современных хозяйственных культурных практик;

- адекватное понимание ценностной мотивации хозяйственной деятельности субъекта имеет существенное значение для современного социального и культурного проектирования, для конструирования культурной политики на федеральном и региональном уровнях;

- результаты исследования могут помочь в формировании ценностных ориентаций хозяйственной деятельности у специалистов управленческого профиля.

Апробация диссертации. Основные положения диссертации нашли отражение в докладах на международных научных конференциях: VIII Международная научно-методическая конференция «Гуманизация и гуманитаризация образования XXI века» (Ульяновск, УлГПУ, 2007); XXII Международная научная конференция «Быт как фактор экстремального влияния на историко-психологические особенности поведения людей» (СПб., 2007); Международная конференция «Новые концепции в изучении русской классики XX века (междисциплинарный аспект)» в рамках XIII Шешуковских чтений (Москва, МПГУ, 2008); Международный коллоквиум «Человек и личность как предмет исторического исследования: Россия, конец XIX-XX в. (Европейский университет, СПб., 2010), Международная конференция «Концептуальные образы Санкт-Петербурга в современной российской и европейской культуре» (РГПУ им. А. И. Герцена, СПб., 2010), Международная конференция «Человек и история: вариации на тему» VI Сытинские чтения (Ульяновск, 2010); XI Международная научно-методическая конференция «Гуманизация и гуманитаризация образования XXI века» (Ульяновск, УлГПУ, 2010); VIII mezinárodní vědecko-praktická konference «Vega a technologie; krok go budaucnosti – 2012». (Praha, 2012); XIII Международная научно-методическая конференция «Гуманизация и гуманитаризация образования XXI века» (Ульяновск, 2012); международная научная конференция «История науки и техники глазами молодых исследователей» (Ульяновск, УлГТУ, 2012). На всероссийских научных конференциях: II и III Всероссийская конференция «Россия и мир: история, политика, культура» (Ульяновск, УлГТУ, 2007 и 2008); XVI Всероссийская научно-практическая конференция «Человек в культуре России» (Ульяновск, 2008); Всероссийская научно-

практическая конференция памяти С. Л. Сытина (V Сытинские чтения, Ульяновск, 2008), Третье Собрание НОКО (РГПУ им. А. И. Герцена, СПб., 2009); IV Собрание НОКО (РГПУ им. А. И. Герцена, СПб., 2010); Третий Российский культурологический конгресс «Креативность в пространстве традиции и инновации» (СПб., 2010); Всероссийская конференция «Россия в многополярном мире: поиск путей инновационного и креативного развития» (Ульяновск, УлГТУ, 2010). На университетских научных конференциях: университетская конференция «Проблемы социально-экономического, политического и культурного развития России» (Ульяновск, УлГТУ, 2009); 45-я ежегодная конференция УлГТУ «Вузовская наука в современных условиях» (Ульяновск, 2011); «Вузовская наука в современных условиях»: 46-я научно-техническая конференция (Ульяновск, 2012). Основные положения диссертации используются в чтении курса лекций по культурологии в УлГТУ. Результаты исследований отражены в сорока семи научных работах, из которых три – монографии, восемь – статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах, утвержденных ВАК РФ для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы из 427 наименований и приложения. Общий объем диссертации составляет 304 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснована актуальность темы исследования, показана степень разработанности проблемы, определены объект, предмет, цель, задачи исследования, раскрыта его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, сформулированы положения, выносимые на защиту, представлена апробация результатов исследования.

В первой главе **«Методологические основания изучения хозяйственной культуры в ее художественно-образном воплощении»** дано теоретическое обоснование концепции исследования.

В § 1.1. «Хозяйственная культура как научное понятие» сформулировано и обосновано философско-культурологическое определение хозяйственной культуры; дана интерпретация повседневности и определение хозяйственной культуры повседневности; обосновано выделение ценностного мира субъекта хозяйственной культуры в качестве предмета исследования. Отмечено, что при наличии достаточно большого количества определений понятия «хозяйственная культура» в экономических, социологических, философских и культурологических трудах, ни одно из них в полной мере не отражает многомерной системной целостности культуры.

С позиций современного научного понимания культуры как многомерной целостности, способа и результата внебиологической деятельности человека и на основе всестороннего рассмотрения понятия «хозяйство» сформулировано философско-культурологическое определение хозяйственной культуры как *способа и результата организации человеческой деятельности, в*

совокупности всех подсистем, форм предметности и уровней культуры, направленного на получение материальных и духовных благ. Подсистемы (материальная, духовная, художественная) и формы предметности (знание, ценность, проект, тело человека, техническая вещь, социальная организация, художественный образ) выделяются на основании системной модели культуры М. С. Кагана.

Отмечено, что вопрос структурирования хозяйственной культуры является не менее сложным, чем определение сущности самого феномена. Хозяйственная культура рассматривается как сфера или отрасль культуры по признаку назначения деятельности – получение материальных благ. Отмечено, что отнесение всей хозяйственной культуры к специализированному уровню приводит к выпадению из данной сферы домашнего хозяйства, чем нарушается принцип целостности. Показано, что примеры выделения специализированного и обыденного уровней в структуре самой хозяйственной культуры (Э. А. Орлова и А. Я. Флиер, Н. Н. Зарубина) не совсем удачны.

Опираясь на уровневую структуру хозяйственной идеологии (В. В. Радаев), на определение личностного уровня хозяйственной культуры (Т. И. Заславская и Р. В. Рыбкина, Н. Н. Зарубина), на понимание повседневности как пространственно-временного континуума, наполненного вещами и событиями», как области микроистории (В. Д. Лелеко, А. С. Сенявский), сформулировано определение хозяйственной культуры повседневности. *Это каждодневные организационные практики, направленные на получение материальных и духовных благ в континууме повседневности, осуществляемые как на индивидуальном, так и на массовом уровнях.* В фокусе изучения хозяйственной культуры повседневности – производство и потребление, домашнее хозяйство и общественное производство, социальное – с точки зрения индивида, «каждодневные обстоятельства работы, мотивация труда» (Н. Л. Пушкарева); индивидуальные ценностные ориентации, мотивирующие непосредственную экономическую деятельность и субъективные переживания по поводу этой деятельности; восприятие официальной культуры масса-ми; проявления ментальности в хозяйственной деятельности; ценностный мир хозяйственной культуры в предметно-телесной закреплённости; процесс адаптирования специализированных форм предметности хозяйственной культуры в повседневные формы.

Система различных знаний о хозяйстве (философских, идеологических, научных и документальных, теоретических и эмпирических), рассмотрена как специализированный уровень культуры. Практическое знание о хозяйстве, предельно конкретное, неформализованное, интуитивное, опытное, непосредственно обслуживающее практику и т.д., рассмотрено как повседневный уровень культуры. В индустриальном обществе это не просто здравый смысл и народная мудрость, но также адаптированное при помощи здравого смысла специализированное знание.

С опорой на труды М. Вебера, Э.С. Маркаряна, М.С. Кагана, Б.С. Ера-сова, А.С. Кармина обосновано выделение ценностного мира субъекта советской хозяйственной культуры в качестве предмета исследования: ценности в

системе культуры играют особую регулятивную роль, направляют развитие материальной практики, определяют выбор цели. Именно ценности заключают в себе специфический смысл культуры и общества. Важный аксиологический аспект изучения культуры – проблема соотношения между декларируемыми ценностями и ценностями, выступающими реальными мотивациями деятельности человека.

Отмечается, что в современной философии и социологии предложен ряд классификаций ценностей (Г.П. Выжлецова, М.С. Кагана, Б.С. Ерасова М. Рокича). Предложена классификация базовых ценностей хозяйственной культуры – труд, собственность, богатство, практицизм и рациональность, профессионализм, предприимчивость (Н.Н. Зарубина). Доказано, что они наряду с общими ценностями культуры (честность, справедливость, долг, коллективизм, индивидуализм и др.) регулируют хозяйственную деятельность.

Ценности философского и специализированно-аксиологического сознания (идеологии), регулирующие хозяйственную деятельность, рассматриваются как специализированный уровень культуры. Ценности практического сознания, регулирующие хозяйственную деятельность, рассматриваются как повседневный уровень культуры.

Хозяйственные проекты, обоснованные идеологически и научно, экономические программы рассматриваются как специализированный уровень культуры. Индивидуальные хозяйственные проекты, проекты обыденного сознания, а также реализация специализированных проектов на индивидуальном и массовом уровнях рассматриваются как повседневный уровень культуры.

Формы материальной предметности хозяйственной культуры – человеческое тело (телесность), техническая вещь и социальная организация в культурологическом исследовании рассматриваются с точки зрения выполнения ими семиотической функции – создания образа культуры и ее субъекта – человека.

В § 1.2. «Советская хозяйственная культура как системная целостность» определены историко-типологические особенности советской хозяйственной культуры 1960–1980-х; рассмотрены факторы развития и особенности ее структуры; выявлены аксиологические типы субъекта культуры – человека индустриального социалистического общества.

Советская хозяйственная культура 1960–1980-х представляет собой подсистему национального типа социалистической культуры индустриального общества. Универсальные черты индустриального типа развивались в условиях советской модели административно-командной экономической системы. В нем противоречиво соединялись доминирующая административно-командная и нелегально работающая рыночная экономические системы, черты инновационной и традиционной культур.

Факторами развития советской хозяйственной культуры 1960–1980-х гг. выступают общие внутренние изменения в советской культуре от времени «оттепели» к «семидесятым», внешнеполитические изменения и международное положение СССР, которые также характеризуются противоречиво-

стью. Фактором развития советской хозяйственной культуры выступает российско-советский менталитет, особенности которого выделены на основе трудов Н. Бердяева, К. Касьяновой, И.В. Кондакова, Д.С. Лихачева, О.А. Платонова, А.В. Лубского, С. Лурье, Г.Л. Тульчинского, В.В. Кочеткова, И.И. Сильновой: открытость и недостаточность; соборность; эгалитаризм; осторожность и консерватизм; пессимизм; приоритет личностных отношений над формальными, нравственных норм над законом. Недостаточная осознанность обязательной для каждого честности. Экзистенциальная ценность высшего образования. Преданность идее свободы личности; стремление решать исторические задачи в кратчайшие сроки. Терпение и упрямство; доминирование в сознании интуитивизма; слабо выраженное стремление к достижению личных целей; самопожертвование и правдоискательство. Сочетание эскапизма, утопизма и эсхатологизма. Ориентация на скромный достаток, созданный честным трудом. Православное пренебрежение к земным благам и отношение к труду скорее как способу самодисциплины, но не средству созидания. Антиличностная установка «все как один» и «быть не хуже других». Специфический коллективизм. Двойственность сознания, гибкое, почти мгновенное приспособление к самым резким изменениям. Социальная безынициативность, равнодушие и другие.

Советская хозяйственная культура рассматривается в динамике от периода «оттепели» до «семидесятых» как система, состоящая из взаимосвязанных структурных элементов – знаний, ценностей, проектов, технических, вещей, хозяйственных организаций и субъектов культуры, несущих определенную функциональную нагрузку. Системная особенность советской культуры – политизация, давление идеологии на все сферы жизни, позволяет специализированный уровень осмысления и практики хозяйственной культуры обобщенно обозначить как *идеологический дискурс*, а повседневный уровень – как *повседневный дискурс*.

Специализированные знания советской хозяйственной культуры – основанная на марксистской теории политэкономика социализма, труды советских философов, экономистов и социологов. От времени «оттепели» к «семидесятым» шел процесс все большего расхождения специализированного теоретического знания со знанием научно-практическим и повседневным по основным вопросам социалистического строительства: о времени построения коммунизма, социальной справедливости, общественно-полезном труде как источнике роста благосостояния всего народа и каждого человека, совершенствовании материального стимулирования труда; о плановом хозяйстве, защищающем производство от диспропорций; росте благосостояния, несовместимости социализма с частной собственностью и другим. Отдельные положения идеологического дискурса о социалистическом хозяйстве менялись под воздействием повседневной практики, что можно интерпретировать как пример упорного сопротивления духовной подсистемы творчеству в материальной практике и отступления.

Ценности, выделявшиеся советской философией и наукой в группу «экономических» (предметы труда, орудия и средства производства, произ-

веденные материальные блага), принципиально отличались от универсальных базовых ценностей хозяйственной культуры. Хозяйственная деятельность советского человека мотивировалась общечеловеческими, традиционными и собственно социалистическими ценностями. Официальной целью, финальной ценностью выступает коммунизм. Структура связанных с ценностями потребностей конструировалась аналогично схеме А. Маслоу: от потребности витальных – к социальным и высшим – в самореализации, творчестве. В утверждении, что именно при социализме происходит интенсивное возвышение потребностей у всех слоев населения, проявлялась идея превосходства советской культуры.

Аксиологический компонент советской хозяйственной культуры рассмотрен в проекции советской культурно-исторической специфики универсальных базовых ценностей хозяйственной культуры: труд – общественно-полезный и коммунистический; собственность – общественная; богатство – общественное, народное; рациональность – плановое хозяйство, предприимчивость социалистическая. Изменение идеологического дискурса о времени построения коммунизма и реальные результаты развития социалистического хозяйства определили динамику всех базовых ценностей хозяйственной культуры. От середины 1950-х до середины 1980-х значимость социалистических ценностей неуклонно снижалась, и этот процесс имел системный характер, неявно, скрыто проявляясь не только на повседневном, но и специализированном уровне культуры. В частности, в изменениях Уголовного кодекса РСФСР, в смягчении наказаний за преступления против социалистической собственности, хозяйственные преступления и частнопредпринимательскую деятельность.

Проекты. Для удовлетворения потребности советского человека в материальных и духовных благах знание, направляемое ценностями, претворялось в созидание: создавались централизованно-плановые, масштабные хозяйственные проекты. В них также прослеживается идея превосходства: не только решить конкретные хозяйственные задачи, но и доказать всему миру превосходство социалистической системы. Потому они были высокозатратными, штурмовыми, непоследовательными и незавершенными.

Субъектом советской хозяйственной культуры 1960–1980-х выступает человек индустриального социалистического общества, где противоречиво соединялись черты инновационного и традиционного, закрытого и открытого, массового и потребительского общества. Отмечается, что во всех определениях советского человека как исторического типа личности, от начала 1960-х до 2000-х, нарушается принцип целостности. В советском идеологическом дискурсе «строителю коммунизма», человеку развитого социалистического общества даны превосходные характеристики. На рубеже 1980–1990-х произошла инверсия ценности «строителя коммунизма», и до сих пор советский человек характеризуется как национальный тип массового человека, состоящий из одних пороков и недостатков. Данные крайние определения сущности советского человека лишь затрудняют попытки объяснения как выдающихся достижений советской культуры, так и причин ее кризиса. Что-

бы ответить на эти вопросы, надо отказаться от выведения одного, обобщенного до крайнего схематизма типа советского человека.

С помощью семиотического, герменевтического методов и контент-анализа по критерию ценностной мотивации хозяйственной деятельности выделены основные аксиологические типы человека – субъекта хозяйственной культуры 1960–1980-х: «строитель коммунизма», «честный труженик» и «обыватель». Критерием выделения аксиологических типов субъекта выступила ценностная мотивация хозяйственной деятельности: соотношение декларируемых ценностей и ценностей, выступавших реальными основаниями деятельности.

У «строителя коммунизма» личные ценностные ориентации в хозяйственной деятельности полностью совпадают с официальными и декларируемыми ценностями – собственно социалистическими и базовыми ценностями хозяйственной культуры в социалистической интерпретации. Для «честного труженика» характерно то, что личные ценностные ориентации в основном или во многом совпадают с официальными и декларируемыми ценностями. Хозяйственная деятельность этих типов субъекта также мотивируется общечеловеческими и традиционными ценностями – честность, ответственность, дисциплина, профессионализм, счастье других, творчество. Выдающиеся достижения советской культуры – заслуга и результат труда «строителей коммунизма» и «честных тружеников». Если «честный труженик», в труде на общее благо, всегда преследует и личный интерес, то «строитель коммунизма» иногда трудится на общее благо в ущерб личному благосостоянию. Этот тип субъекта сопоставим с тем небольшим числом людей, по теории А. Маслоу, способных к высшим переживаниям, ориентирующихся на высшие ценности бытия – красоту, истину, добро. Именно они достигают самоактуализации, являют собой пример полноценного развития личности, отличаются непринужденностью в поведении, деловой направленностью, глубиной и демократичностью в отношениях, независимостью, творческими проявлениями и т.д. Они ориентированы на творческую деятельность, даже если их низшие потребности удовлетворены не в полной мере. **В ментальном плане «строитель коммунизма» – соборная личность.** Ярким примером является образ инженера Бахирева (Г. Николаева «Битва в пути»).

У «обывателя» личные ценностные ориентации не совпадают с официальными и декларируемыми ценностями. Социалистические принципы хозяйственной деятельности он принимает внешне, формально. Для этого типа субъекта не характерна ценностная ориентация на честность, ответственность, профессионализм, дисциплину, счастье других. Хозяйственная деятельность мотивируется ценностью личного благосостояния, потребления материальных (в первую очередь) и духовных благ, социального статуса. Творчество выступает инструментальной ценностью для получения материальных и духовных благ. По ценностным ориентациям он близок «рыночному типу социального характера», о котором пишет Э. Фромм. Но если в западных обществах для «рыночного типа», нацеленного на продажу и обмен, характерен качественный труд как устойчивая массовая норма хозяйственной

деятельности, то советский «обыватель» в административно-командной системе сохранял российскую традицию невысокого массового качества общественного труда.

Социальные типы «строитель коммунизма» и «обыватель» («мещанин») были сформулированы и практически использовались социалистической идеологией. Но если в идеологическом дискурсе «строителями коммунизма» считалось подавляющее большинство советских людей, а «мещане» – меньшинством и пережитками прошлого, то повседневная практика показывала, что преобладали «обыватели», значительную часть составляли «честные труженики», а «строители коммунизма» – незначительное меньшинство.

В § 1.3. «Массовое искусство в системе советской культуры» рассмотрено массовое искусство как феномен советской художественной культуры и выявлены культурно-исторические особенности его морфологии.

Отмечено, что среди исследователей распространена точка зрения о несовпадении (логическом, историческом, по набору художественных произведений) понятий «советское искусство» и «соцреализм»; о теоретической слабости соцреализма; о перегруженности советского искусства производственной тематикой и выполнении им, в первую очередь, агитационных функций. По мнению автора диссертации, советское искусство и соцреализм исторически совпадают – локализованы в едином пространстве и времени. Все искусство, произведенное массовым тиражом в СССР, было соцреалистическим.

Советское массовое искусство 1960–1980-х гг. определяется как национальный тип массового искусства. В его духовно-содержательном, морфологическом и институциональном измерениях выделяется ряд культурно-исторических особенностей. Во-первых, творческий метод соцреализма, ориентированный на инновационность в области содержания (художественное переконструирование жизни) и реалистическую художественную традицию в области формы. Концептуализация роли искусства в системе культуры: приоритет его воспитательной и ценностно-ориентирующей функции. Приоритет темы труда. Наличие специфической формульной модели. Воплощение архетипической повествовательной модели в социалистических сюжетах и образах, символах, мотивах и мифах: социалистическая революция, гражданская война, героические первые пятилетки; Великий Октябрь, Ленин, коммунистическая партия, коммунист, комсомолец и пионер, красный командир, комиссар, герой труда, рабочий, колхозник, летчик, учитель, ученый, врач, инженер, милиционер, следователь МУРа и т.п. Демократизация и допущение стиливого многообразия обусловили появление положительного героя, который все меньше соответствовал характеристике Абрама Терца. Особенностью выступает типичная для российско-советской культуры двойственность создаваемой картины мира и места в нем человека.

Во-вторых, в морфологическом измерении массового искусства также проявляется двойственность культуры. Выделялись виды и жанры, прямо связанные с идеологией: массовая песня и плакатная графика, а также виды и жанры, отделившиеся от прямой связи с идеологией и наиболее полно отобразившие образы хозяйственной деятельности: живопись, литература, дра-

матический театр, искусство кино и телевидения. Эти виды искусства не перегружены производственной тематикой. В культовых (и не только культовых) комедиях и мелодрамах 1970-х производство выступает контекстом нравственно-психологических коллизий, межличностных отношений, любовных романов. Культовые комедии Э. Рязанова и Л. Гайдая, злободневные, ставшие точными портретами эпохи, не запрещали (они приносили огромную прибыль), но и не давали их авторам государственных наград.

В-третьих, в институциональном отношении были характерны цензурные запреты и ограничения, наличие официального и оппозиционного искусства и значительное количество институтов по производству и распространению популярных произведений. Институциональными особенностями были общественная собственность на средства производства, централизованно-плановый характер и государственное финансирование художественного производства, а также социалистическая коммерция и «бессистемные» явления в распространении художественной продукции (телефонные запреты и разрешения высших чиновников, «левые» концерты и т.п.). В аспекте художественного потребления характерна широкая доступность одних и дефицит других произведений искусства. В «семидесятые» индивидуализировалось художественное потребление и развивалась тенденция демонстративного потребления произведений искусства (дефицитных подписных изданий, грамзаписей, произведений живописи и декоративно-прикладного искусства).

В § 1.4. «Советское массовое искусство как способ образного постижения хозяйственной культуры» дано теоретическое обоснование изучения культуры повседневности через анализ произведений массового искусства, исследованы виды и жанры искусства на предмет образного воплощения в них советской хозяйственной культуры повседневности, выявлены доминировавшие виды и жанры, наиболее полно воплотившие образы хозяйственной деятельности в динамике культуры от «оттепели» к «семидесятым».

Отмечается, что массовое искусство по картине мира и ценностным ориентациям является частью обыденной культуры. Этим объясняется богатство его информационных ресурсов для изучения культуры повседневности. В текстах используются архетипические формы, присутствующие в человеке и обществе, предельно простая техника письма, средняя семиотическая норма языка, конструируется простая прагматика, транслируются простые жизненные истины. Массовое искусство воспроизводит устойчивые «базовые модели» сознания, присущие всем людям. Изначальные стремления, цели массовых произведений понятны и привлекательны для большинства людей. В этом отношении советское массовое искусство, при всех его культурно-исторических особенностях, не представляет исключения.

Ценностный мир субъекта советской хозяйственной культуры в образах массового искусства 1960-1980-х гг. анализируется семиотическим и герменевтическим методами, опираясь на теоретические положения трудов Г. Г. Шпета, В. Я. Проппа, Х. Г. Гадамера, Ю. М. Лотмана, Ж. Деррида, Р. Барта, Г. С. Кнабе, Т. Суминовой, Н. Л. Пушкаревой, С. Махлиной. На этой теоретической основе наибольшая значимость в произведении искусства придает-

ся тому, что скрыто, неявно присутствует, «недоговорено» и «случайно прорывается». Выявляемые имплицитные смыслы – элементы репрезентируемой культурно-исторической реальности и составляют код советской культуры.

Произведения советского массового искусства воплотили советскую хозяйственную культуру и ее субъектов во всей совокупности материальных и духовных проявлений; специализированный и повседневный уровни, идеологический и повседневный дискурсы.

Изучение советской хозяйственной культуры повседневности в образах массового искусства выявляет определенное внутреннее единство, единую стилистику в формах материальной, духовной и художественной предметности. Когда в духовной атмосфере «оттепели» начал развиваться политический курс на социальную переориентацию экономики, в искусстве ведущей стала тема повседневности. Если искусство сталинского периода изображало исключительно успехи и достижения социалистического хозяйства, а проблемы связывало с деятельностью врагов народа, то начиная с «оттепели», искусство показывает не только успехи, но честно говорит о неудачах и ошибках. Классовая природа конфликта заменяется нравственной. Производственные успехи связываются с высокими нравственными качествами, профессионализмом и самоотверженным трудом «строителей коммунизма» и «честных тружеников», а проблемы – с нравственными пороками и непрофессионализмом «обывателей».

В «семидесятые» искусство чутко уловило снижение психологического тонуса общества, связанное с крахом мечты о возможности реализации коммунистической идеи, в условиях декларирования социальной ориентации экономики и возрастания ее перекоса в сторону тяжелой и оборонной промышленности. Появилась тема бездуховности. Получила отражение тенденция духовного состояния общества: исчезновение убежденности в том, что от творческой инициативы рядового человека зависит решение проблем народного хозяйства. Напротив, смелая инициатива «строителя коммунизма» может привести к его гибели. В романе В. Липатова «И это все о нем» смерть комсомольца Столетова – знаковое явление: «строители коммунизма» вымирают, «обыватели» живут и побеждают. Препятствием для свободного развития и труда «честного труженика» оказываются не только идеология и власть, но и само общество, состоящее в основном из равнодушных к общественному хозяйству «обывателей». Финалы производственных драм не оставляют ощущения полной победы руководителя нового типа, «делового человека», над обывательской рутинной. Производственные и нравственные проблемы социалистического общества носят системный характер, неразрывно взаимосвязаны и порождают друг друга.

В структуре советского массового искусства выделяются более и менее идеологизированные виды и жанры. В связи с этим произведения искусства имеют разную информационную насыщенность в отображении хозяйственной культуры. Музыкальные жанры – опера и балет, но главным образом, массовая песня репрезентировали идеологический дискурс о советской хозяйственной культуре в возвышенно-романтических и героических образах.

В изобразительном искусстве самым идеологизированным жанром был плакат. Тем не менее, для культурологического исследования динамика развития песни и плаката содержит определенную информацию о процессах в советской культуре. Количество песен на тему социалистического труда и успешного строительства коммунизма растет с 1956 года и сходит на нет в 1977–1978 гг. Последний мощный всплеск – на тему БАМа. Плакатная графика от пропаганды конкретных проектов «оттепели» переходит во второй половине 1970-х к общим призывам строить коммунизм, идти за партией и т.д.

Живопись и станковая графика, несомненно, обладают большими информационными ресурсами. Литература, драматургия и киноискусство в наибольшей степени были способны адекватно реальности репрезентировать советскую хозяйственную культуру. Начиная с «оттепели», создавая образы советской хозяйственной повседневности, они не просто иллюстрировали и пропагандировали, но показывали реальные, часто непредвиденные, результаты хозяйственных решений и действий. Именно здесь получила отражение советская теневая экономика. Эти виды искусства целостно отражают хозяйственную культуру и ее субъекта.

Во второй главе «**Советская хозяйственная культура в формах духовной предметности и образах массового искусства 1960–1980-х**» проанализирована советская хозяйственная культура повседневности через воплощение в образах искусства форм ее духовной предметности – знаний, ценностей, проектов.

В § 2.1. «Знания советской хозяйственной культуры в массовом искусстве» советская хозяйственная культура и ценностный мир ее субъекта рассмотрены через воплощение в образах массового искусства формы духовной предметности культуры – знаний. Выявлены особенности адаптирования специализированных знаний о коммунизме и социалистическом хозяйстве в повседневные формы, проявления ментальности в повседневном знании.

Произведения «оттепели», даже массовая песня и плакат, не перегружены идеей коммунизма. Тема коммунизма присутствует в эксплицитном содержании произведений искусства, но герои почти не говорят о великой цели, иногда (не много и не длинно) высказывают свои представления о ней. «Строители коммунизма» и «честные труженики» убеждены, что коммунизм будет построен в ближайшем будущем. В высказываниях «обывателя» выявляется представление о коммунизме как обществе далекого будущего и отсутствие к нему интереса. Представления о высоком уровне материальной жизни при коммунизме связаны с личным опытом человека. В эксплицитном содержании высказываний выявляется низкий массовый уровень материального благосостояния в начале 1960-х.

В «семидесятые» расцвели пионерская песня и плакат, прославляющие коммунизм и утверждающие, что общество уверенно движется к цели. В плакатных образах транслируется специализированное знание о реализации хозяйственных проектов и достижениях модернизации. В то же время из произведений литературы, драматургии и киноискусства исчезают высказывания о коммунизме. О коммунизме редко и мало говорят даже те люди, ко-

торым это положено по должности. Напротив, «деловой человек», руководитель производства предлагает избегать острой политической аргументации в решении хозяйственных проблем. «Обыватели» (криминальные преступники, теневики) все чаще высказывают критические суждения системного характера о социалистическом хозяйстве.

В образах искусства отражено знание об образовании субъекта культуры как необходимым условием строительства коммунизма. В песне, плакате и живописи оно отражено фрагментарно и даже скудно. Плакат изображает студента не в процессе учебы, а в процессе работы в стройотрядах. Образы повседневности в литературе, драматургии и киноискусстве отражают социально-экономические процессы и нравственные проблемы общества: массовое стремление получить полное среднее образование и отсутствие к нему интереса у части общества; в 1970-е – личные ценностные мотивации обучения в вечерней школе, нередко далекие от повышения образования; формализм преподавания и обучения в ШРМ. Массовое устремление в вузы во второй половине 1950-х; ценность высшего образования и связанные с этим нравственные проблемы; плюсы и минусы вечернего и заочного обучения. У части общества получение высшего образования мотивируется не желанием профессионально строить коммунизм, а повышением социального статуса, личного благосостояния и проживанием в городе. Проблемой высшего образования является перегруженность преподавателей и студентов, отсутствие у части студентов интереса к будущей профессии, оторванность вузовской науки от практики, инерционность учебного процесса. Уменьшение разрыва в оплате труда между рабочими и ИТР снижало ценность высшего образования. Критические суждения системного характера о низкой оплате профессий, требующих высшего образования, высказывают «обыватели».

Характер адаптирования специализированных знаний в повседневные формы связан с аксиологическим типом субъекта культуры и его стратификационными характеристиками. В высказываниях «строителей коммунизма» и «честных тружеников» специализированное знание в той или иной мере редуцируется, в высказываниях «обывателей» – цинично искажается. В динамике от времени «оттепели» к «семидесятым» выявляется возрастающая внутренняя противоречивость советской хозяйственной культуры и ценностного мира ее субъекта: все большая рассогласованность идеологического и повседневного знания о коммунизме и социалистическом хозяйстве.

В § 2.2. «Ценности советской хозяйственной культуры в массовом искусстве» рассмотрено воплощение в массовом искусстве ценностных ориентаций субъектов советской хозяйственной культуры. С помощью герменевтического анализа они выявляются в высказываниях, представлениях и действиях героев произведений.

«Наша цель – коммунизм». В плане художественного раскрытия ценности коммунизма наблюдаются тенденции, выявленные при рассмотрении воплощения знания о коммунизме.

Труд общественно-полезный. Отмечается, что ранее выявленные особенности изображения труда в советском искусстве – рассуждения «положи-

тельных» героев о его пользе, призывы беззаветно трудиться, измерение результативности труда его количеством и степенью тяжести и т.п. (С. Шведов, Д. Быков) справедливы лишь по отношению к искусству 1930-х – начала 1950-х и к тем произведениям 1960–1980-х, которые были посвящены советскому прошлому. Анализ текстов искусства 1960–1980-х, посвященных современности, выявляет иные аспекты художественных репрезентаций труда.

В песнях «оттепели» звучит тема труда-праздника и ударного труда, мотивированного чувством долга. Метафора труда – «товарищ». Во всех видах искусства показана красота, героика и романтика индустриального труда в тяжелой промышленности и строительстве. Труд в легкой промышленности изображается редко, без героики и романтики. Героика и романтика сельскохозяйственного индустриального труда показана лишь в фильме «Иван Бровкин на целине». В других фильмах «оттепели» изображен ручной труд (без надрыва) и проблемы модернизации сельского хозяйства. Для «просветительских» произведений характерно, что героика и романтика труда, политический пафос и жизненность, правдивость точно дозированы, соединены в идеальных пропорциях. Если в песне и плакате преимущественно изображен физический труд рабочих и крестьян, то в литературе, драме и кино, отчасти в живописи в равной мере представлен труд физический и нефизический – интеллектуальный, научный, художественный.

В «семидесятые» в песнях уже не звучит тема труда-праздника, остается тема нелегкого физического труда шахтеров, рыбаков и др. В живописи появились полотна, изображающие труд в легкой промышленности и сфере общественного питания. В то же время в ряде фильмов ощущается усиление политического пафоса в изображении индустриального труда («Семья Ивановых», «Русское поле»). В образах искусства социалистический труд механизирован и автоматизирован, но обычное явление – ручной труд в сельском хозяйстве и торговле (погрузка-разгрузка). В плакатах, живописи и ряде фильмов он эстетизируется. В немногих произведениях использование ручного труда интерпретируется как результат бесхозяйственности и лени, причина массового оттока молодежи из села. Такого рода высказывания принадлежат «деловому человеку», руководителю нового типа, но они не находят понимания у большинства окружающих.

В искусстве отражена личностная мотивация социалистического труда у всех аксиологических типов субъекта. Часто встречается аргументация «Не для себя стараюсь». Когда «строитель коммунизма» и «честный труженик», не для себя стараясь, нарушает закон, в контексте произведений это не связано с пресловутым правовым нигилизмом, но обусловлено ситуацией столкновения социально-политической ценности закона и ценностей экзистенциальных. Показателен в этом отношении построенный на реальных событиях фильм «Прорыв». Нередко нарушения законов, инструкций, технических правил мотивируются ценностями добра (гуманизма), отзывчивости, ответственности и стоящими за ними экзистенциальными ценностями. «Обыватель» нарушает законы и инструкции с целью получения материальных и духовных благ для себя. «Не для себя стараюсь» – это элемент советской фор-

мулы, связанный с ментальным приоритетом нравственных отношений над законом. Это ключ к пониманию хозяйственной деятельности «строителей коммунизма» и многих «честных тружеников», квинтэссенция соборности, приоритета общего над личным и главный аргумент в обосновании справедливости решений и действий.

Труд может мотивироваться ценностью общественного признания (честолюбием), но у «строителя коммунизма» и «честного труженика» честолюбие приносит общую пользу, у «обывателя» оно идет во вред общественному хозяйству. Показано, что аварийные ситуации на производстве, требующие героизма от субъекта, создаются не «врагами социализма», а возникают в результате природной стихии, хозяйственных просчетов, безответственности «обывателя», непрофессионализма, честолюбия.

В искусстве «семидесятых» все меньше «строителей коммунизма», все больше «обывателей», которые «гонят» план, чтобы получить премию. Для получающих временную зарплату «стараться ничего не делать стало хорошим тоном». В рабочее время они устраивают личные дела или занимаются «общественной» работой. В восклицании «Нет, товарищи, у нас не может быть хорошей работы! Бывает удовлетворительная и неудовлетворительная!» (х/ф «Гараж») интуитивно читается подтекст: результаты повседневного массового труда большинства субъекта культуры только слабые (удовлетворительно) или плохие (неудовлетворительно).

В образах искусства выявляются гендерные особенности труда. Ударный, творческий труд мужчин – важный фактор успеха у женщин. Причем, в контексте развития общества потребления успешным считается труд, дающий хороший заработок и льготы: это «случайно прорывается» в высказываниях. В отношении к общественно-полезному труду женщин выражается сложность и противоречивость советской культуры. Нет женских образов, подобных ударницам и Героям Труда в искусстве 1930-х, чей труд становился фактором личного счастья. Теперь ударный и творческий труд не имеет значения для успеха у мужчин и может мешать личной жизни. Мужчины любят женщин за красоту, доброту, верность, честность. Напротив, трудовой героизм женщины становится причиной трагического финала истории любви (х/ф «Еще раз про любовь»). Перечисляя достоинства избранницы, мужчина никогда не говорит об успехах в общественном труде. В главных качествах – «красивая» и «хозяйственная» выражаются общечеловеческие и традиционные ценности.

По сравнению с искусством 1930-х – начала 1950-х, где домашний труд почти не представлен, искусство 1960–1980-х домашнему труду уделяет много внимания, отображая реальность более целостно. В искусстве показано, что домашний труд традиционно остается обязанностью женщины, но идут инновационные процессы: мужчина, хотя и неохотно, берет на себя часть ее обязанностей. В искусстве «семидесятых» отражена актуальная социальная проблема: двойная трудовая нагрузка женщин и самобытная модернизация традиционной женской роли хранительницы домашнего очага: в сельских семьях и у горожан первого поколения женщина распоряжается домашней

кассой. Ценность домашнего труда в обществе противоречива, двойственна, маргинальна. Это не плюрализм мнений, а противоречие между декларируемыми ценностями и реальными ценностными ориентациями у многих советских людей. Наиболее характерна эта противоречивость для интеллигенции. Большинство образов домохозяек – ограниченные, избалованные и практичные «обывательницы». В 1970-е появился праздный класс неработающих жен. Как правило, это жены теневиков.

Ценность профессии. Изучение ценности профессии в образах советского массового искусства выявляется три аспекта: ценность профессий физического и нефизического труда в динамике от «оттепели» к «семидесятым»; культурно-историческая специфика ценности профессий в определенных сферах хозяйства; наконец, соотношение между декларируемыми ценностями и ценностями, выступающими реальными мотивациями деятельности субъекта культуры.

Если в песне и плакате представлен идеологический дискурс о ценности рабочей профессии вообще, то образы повседневности в литературе, драматургии и киноискусстве 1960-х показывают, что в советском обществе не всякая рабочая профессия почетна. Рабочие профессии в сфере торговли, общепита, бытового обслуживания и труд разнорабочих ценятся низко. В «семидесятые», когда уменьшался разрыв в оплате труда между рабочими, служащими и ИТР, рабочие профессии привлекают «обывателя» хорошей зарплатой и невысокой ответственностью, но в целом они непрестижны.

Если в изобразительном искусстве 1960-х создаются преимущественно образы людей рабочих профессий, то в литературе, драматургии и киноискусстве растет количество образов людей интеллектуальных профессий, что отражает важнейший социальный процесс – устремления массы людей в профессии нефизического труда. На перестройку иерархии престижных профессий повлияли внешнеполитические изменения. Если для людей сталинской эпохи самой романтической и престижной была профессия летчика, то в 1960-е это профессия пилота гражданской авиации международных авиалиний. А также дипломатия и внешняя торговля, наука и журналистика, художественные профессии и профессиональный спорт – все, что дают возможность более-менее регулярно выезжать за границу.

В образах искусства многосторонне отражена профессия ученого. В художественных образах ученого представлены все аксиологические типы субъекта советской культуры. Показано, что труд советских ученых в период НТР создает основу для достижения обществом изобилия материальных благ. Ученая степень и научное звание повышают социальный статус человека и хорошо обеспечивают материальными и духовными благами. Ученая степень для мужчины – важный ресурс успеха у женщин. Долгие поиски истины и отсутствие наглядных результатов сторонний «обыватель» не уважает и не понимает. В «семидесятые» профессия ученого – «стандарт респектабельности». Обязательный атрибут образа ученого – личный автомобиль. Женщина с ученой степенью считается очень хорошо обеспеченной. В представлениях о гендерных стандартах в науке, согласно которым «женский по-

толок» – кандидатская, проявляются развитие традиции и специфические национальные формы модернизации хозяйственной сферы культуры.

В художественных образах отражен престиж профессий нефизического труда, особенно среди колхозников: в условиях оплаты по трудодням «специалисты» в колхозе имели привилегии, получая ежемесячную денежную зарплату. Целостно и многопланово представлены профессии учителя, инженера и врача. Показано, что учитель в СССР осуществляет коммунистическое воспитание, образование и обучение. В «просветительских» произведениях 1960-х в высказываниях «обывателей» «прорывается», что уважение к профессии учителя уже не является всеобщим, уважают не его нормативную роль, а личные качества. В неравномерно развивающемся советском обществе более высоким оставался авторитет сельского учителя. У него благосостояние выше, чем у колхозника. Рядовой городской учитель скромно живет на зарплату. Как правило, это одинокий и/или бездетный «честный труженик». В искусстве 1970-х количество образов учителей растет, что говорит о нарастании социальной проблемы. В конце 1970-х обывательская молодежь профессию учителя презирает. Среди самих учителей появляется тип «обывателя». Учитель по-прежнему – человек одинокий или женщина с ребенком, скромно живущие на зарплату. В высказываниях «прорывается», что теперь материальное благосостояние сельского учителя ниже, чем у колхозника. Обыденная практика выживания сельского учителя – приписывание часов по дисциплине, которая не преподается. Через образы повседневности в их предметно-телесной закреплённости передается скромный образ жизни и развитый эстетический вкус городского и сельского учителя.

Если в годы «оттепели» профессия инженера имеет высокий социальный престиж, средний или выше среднего уровень материального благосостояния, то в 1970-е ценность профессии инженера среди молодого поколения, особенно «обывательского» типа, снизилась. Простой инженер – это «никто». Жить «как простой инженер» значит иметь низкий социальный статус и благосостояние.

В литературе и кино периода «оттепели» все больше образов врачей. Рядовой городской и сельский врач, если он человек одинокий, живет в достатке выше среднего. В высказываниях «обывателей» «прорывается», что врачи регулярно получают подарки от пациентов. В 1970-е художественные образы врачей в литературе и киноискусстве показывают, что это более уважаемая профессия, чем инженер и учитель, но едва обеспечивает средний уровень благосостояния. Чтобы заработать, рядовой врач трудится на износ. Работа на 1,5 ставки, ночные дежурства и консультации позволяют приобрести личный автомобиль.

В искусстве отражен рост популярности сценических профессий и разнообразие общественных взглядов на их ценность. Сценические профессии привлекают молодежь и низко оцениваются старшим поколением. В диалогах родителей с детьми о профессии артиста неявно присутствует, что она ценится значительно ниже профессии врача и значительно выше рабочей

профессии. В начале 1980-х родители по-прежнему не одобряют стремление детей получить сценическую профессию, но не препятствуют.

В образах повседневности выявляется культурно-историческая специфика ценности профессий в определенных сферах хозяйства: в годы «оттепели» непрестижными считаются сфера бытового обслуживания, торговля, общественное питание. С ростом дефицита в обществе потребления ценность профессий в этих сферах хозяйства возрастала, особенно среди «обывателей». Но профессии в торговле, общепите и сфере услуг характеризуются противоречивостью статуса. Человек иногда скрывает, где и кем он работает. Через высказывания «обывателей» передается низкая ценность в обществе профессий в сфере охраны правопорядка и сельского хозяйства.

Образы хозяйственной повседневности показывают, что в советском индустриальном обществе сохраняются традиционные нормы: личные отношения влияют на выполнение человеком профессиональной роли. В образах повседневности проявляются особенности ментальности – приоритет личных отношений над формальными. Точка зрения «Хороший человек – не профессия», впервые высказанная в искусстве 1960-х (х/ф «Еще раз про любовь»), не стала непопулярной в обществе.

Собственность общественная. В «просветительских» произведениях, в образах повседневности «строители коммунизма» и «честные труженики» общественную собственность берегут (защищают от расхищений), укрепляют и развивают не только по долгу службы, но и по гражданскому долгу. Здесь также, как в изображении социалистического труда, есть героика и романтика, точно дозированный политический пафос. Примечательно, что большинство произведений, содержащих подобные сюжеты, – это молодежная проза и комедия. Свою ценностно-ориентирующую функцию – воспитание ценности социалистической собственности и активной гражданской позиции у субъекта культуры они осуществляют ненавязчиво, высокохудожественно, создавая не идеальные, но обаятельные, жизненные образы «строителя коммунизма» и «честного труженика», преимущественно молодежи. С другой стороны, созданы неоднозначные, вызывающие сочувствие, образы «обывателя», который совершает мелкие хищения общественной собственности, по возможности, унося ее с колхозного поля. В контексте произведений «обыватель», даже не расхищающий общественную собственность, но равнодушно относящийся к ее расхищению, составляет большинство субъектов культуры.

В искусстве 1970-х образов «честных тружеников», которые оберегают и преумножают общественную собственность, все меньше. В своем отношении к общественной собственности они, как крестьянин Михаил Пряслин, одиноки. Их чувство личной ответственности за вопиюще бесхозяйственное отношение большинства работников к совхозной собственности, не находит понимания даже в семье (Ф. Абрамов «Дом»).

Богатство, благосостояние. В произведениях «оттепели» в высказываниях рядовых «честных тружеников» и крестьян старшего поколения, в детстве или юности переживших войну, выявляется традиционный критерий

благополучия – «не хуже других». В первую очередь, это достаток пищи и одежды (сыт, обут, одет). Наконец, ценностная ориентация на скромный достаток, «самое необходимое в доме». Ценится благополучие, созданное не только честным, но и тяжелым трудом.

В начале 1970-х уровень благополучия «честного труженика»-крестьянина растет, но остается невысоким. Ценностная ориентация на скромный достаток проявляется в утверждении, что у него есть «все»: дом, телевизор, корова, «даже» свинья. Он счастлив, получив типовую квартиру от совхоза и приобретя модный сервант. Такой же непритязательный тип встречается в городе: у него «что надо, то и есть, а что есть, то и надо». Если рядовые труженики живут «богато», то выясняется, что их богатство – не совсем честное. Критические суждения системного характера о низком благополучии «честного труженика» высказывают преступники.

Отмечается, что утверждение С. Г. Кара-Мурзы о скуке значительной части советских людей, порождаемой «избыточной надежностью социального уклада» вряд ли можно считать справедливым в контексте дефицитного социалистического хозяйства и развития общества потребления. Образы «обывателя» в искусстве 1970-х показывают, что он затрачивал на добывание дефицитных материальных благ много времени и сил. Развивалось престижное потребление материальных и духовных благ.

Обращение с деньгами выступает социокультурной характеристикой человека и знаком способа их получения: деньги заработанные редко мнут, расплачиваясь, не бросают, а передают в руки либо кладут на стол. Отправляясь в дальний путь, крестьяне и рабочие свои трудно заработанные деньги прячут поближе к телу, заранее готовят точную сумму для оплаты такси.

Рациональность. В эксплицитном содержании произведений искусства – все советские люди стремятся выполнить план. Ценностные мотивации «строителя коммунизма» и «честного труженика» полностью и частично совпадают с идеологическим дискурсом о ценности плана. ИмPLICITно присутствуют другие ценностные мотивации. У «обывателя» к выполнению плана сугубо личный интерес – премия. В то же время показано, как план подавляет ценность творческого труда. План давит и на творческий труд в сфере науки, где время получения искомого, особенно в фундаментальной теории, неизвестно.

Предприимчивость и практицизм. Эти ценности у «строителей коммунизма» нацелены на получение пользы общественной, «без рассуждений о пользе личной». У «честных тружеников» они равно нацелены на общественную и личную пользу. В «просветительских» произведениях «оттепели» ценность социалистической предприимчивости «честного труженика» раскрывается тонко, ненавязчиво и с юмором (х/ф «Девчата»). Предприимчивость у «обывателя» выступает инструментальной ценностью получения личной пользы. Частному предпринимателю, теневику, в отличие от «обывателя» в легальном государственном производстве, не безразлична польза от его деятельности для общества. Продукция должна быть относительно каче-

ственной, востребованной потребителем. Теневое производство должно быть рентабельным, иначе оно не имеет смысла.

В § 2.3. «Проекты советской хозяйственной культуры в массовом искусстве» выявлены индивидуальные ценностные ориентации, мотивирующие участие в реализации социалистических хозяйственных проектов; процесс адаптирования специализированных проектов в повседневные формы; проявления ментальности в повседневном дискурсе о проектах советской хозяйственной культуры.

В зеркале массового искусства получили отражение многие хозяйственные проекты «оттепели» и «семидесятых». В песне и плакате они получили возвышенно-романтическое, лирическое, оптимистическое, иногда патетическое воплощение. Неудачный проект БАМ был самым популярным объектом изображения. В литературе, драматургии и киноискусстве в образах повседневности изображен процесс реализации многих хозяйственных проектов, их результаты и личные мотивации участия субъекта культуры. Нередко «правда жизни» соединяется с «лакировкой» реальности. Участие советского человека в освоении целины мотивируется чувством долга, патриотизмом, а также стремлением к личным высоким достижениям. Критические суждения о неприятных для рядового колхозника результатах укрупнения колхозов и посевов кукурузы высказывает неавторитетный и малограмотный «обыватель». Официальная точка зрения в суждениях грамотного зоотехника. Между строк читаются неоправданно большие затраты труда.

П. Вайль и А. Генис отметили, что в 1960-е годы на освоение природных богатств Сибири советского человека вдохновляла коммунистическая идея. Несомненно, в начале 1960-х часть людей ехала в Сибирь строить коммунизм. Но в образах хозяйственной повседневности отражены иные мотивации: стремление заработать большие деньги и любовь (х/ф «Карьера Димы Горина»). В литературе и кино 1970-х участие в «стройках века», освоении природных богатств Сибири и Севера связано с обстоятельствами личной жизни: счастливой или несчастной любовью, проблемами в семье, потребностью быстро заработать большие деньги.

Судя по актуальной тематике плаката (потери урожая), сюжетам литературы, драматургии и киноискусства, в реализации хозяйственной реформы 1965 года возникли проблемы. Субъект культуры не по-хозяйски относится к произведенному продукту, материальные интересы субъектов культуры ориентированы на разные результаты хозяйственной деятельности. Системно внедрить хозрасчет в социалистическое хозяйство не удается. В образах искусства – формализм планирования, отсутствие социальной справедливости в вознаграждении за труд и консенсуса в обществе по вопросам вознаграждения труда. Развитие безразличного отношения рядового колхозника к результатам труда. Злоупотребления самостоятельностью в организации производства, хозяйственные махинации и равнодушие «обывателей», если это не ущемляет их интересы. «Прорываются» суждения о формальном понимании советскими людьми социалистических принципов. Станным образом реали-

зуется проект укрепления связи науки с производством: ученые во главе с профессором, доктором наук, пакует картофель на овощной базе.

Образы хозяйственной повседневности показывают, что в реализации всех хозяйственных проектов проявляются особенности российско-советского менталитета – приоритет нравственных отношений над законом, личных отношений над формальными. Штурмовая реализация хозяйственных проектов нередко обусловлена личными амбициями, соперничеством, симпатиями и антипатиями (А. Гельман «Мы, нижеподписавшиеся»).

В реализации индивидуальных хозяйственных проектов (в образах искусства чаще всего это получение образования и устройство на работу, получение государственного жилья и его ремонт; а также строительство частного сельского дома и размен жилья, приобретение транспорта, строительство дачи и гаража, устройство ребенка в детский сад, приобретение одежды, пищи) «честный труженик» использует законные практики, иногда помощь трудового коллектива. Но в начале 1980-х даже он вынужден обращаться к коммерческим посредникам при размене жилья и приобретении модной одежды. «Обыватель» реализует индивидуальные хозяйственные проекты, используя законные и незаконные практики, неформальные отношения, блат. «Строитель коммунизма» не показан в процессе создания и реализации личных хозяйственных проектов, этим занимается его семья.

В третьей главе «Советская хозяйственная культура в формах материальной предметности и образах массового искусства 1960–1980-х» анализируется ценностный мир субъекта советской хозяйственной культуры через воплощение в образах массового искусства форм ее материальной предметности – телесности субъекта, технических вещей, социальных организаций.

В § 3.1. «Телесность субъекта советской хозяйственной культуры в массовом искусстве» советская хозяйственная культура и ценностный мир ее субъекта рассмотрены через воплощение в образах массового искусства телесности советского человека.

В художественных репрезентациях телесности выделяются два дискурса: «тело идеологическое» – «строитель коммунизма» (преимущественно рабочий) в процессе производства материальных благ, ударного труда, укрепляющий социалистическую собственность, физически совершенный; «тело повседневности» – представители всех аксиологических типов и социально-профессиональных групп, в производстве и потреблении материальных благ, ударного или некачественного труда, по-разному относящиеся к социалистической собственности, телесно разнообразные. Если в песне и плакате преобладают образы рабочих, то в литературе, драме и кино – представители интеллигенции, что отражает реальный процесс – устремление людей индустриального общества в профессии нефизического труда. В телесности субъекта культуры выражена динамика социалистического хозяйства: если в искусстве 1930-х он изображен в основном на фоне колхозов и строящихся гигантов металлургии и энергетики, то в искусстве 1960-х – на фоне действующих

промышленных предприятий всех отраслей, новых «строек века», в 1970-е – в автомобильной промышленности.

Телесные образы советского человека отражают гендерные особенности труда и новые формы традиции. С одной стороны, на плакатах, также как в искусстве 1930-х, женщина по-прежнему с серпом, а мужчина – с молотом. С другой стороны, во всех видах искусства сельское хозяйство представлено сферой мужского и женского труда, но мужчина всегда на тракторе, комбайне, грузовике, а женщина – с лопатой и граблями, корзиной и рассадой, кастрюлей и половником. Женщины-строители, как правило, каменщики, маляры, штукатуры, редко сварщики и крановщики. Мужчина-строитель, как правило, сварщик, монтажник, электрик, крановщик, проходчик, тракторист. Если искусство 1930-х изображало женщин на строительстве метро, чем подчеркивалось равенство полов, то в искусстве 1960–1980-х метростроевок нет: с 1957 года применение труда женщин на строительстве подземных сооружений запрещено законом. Телесные образы показывают, что в социалистическом индустриальном обществе выделялись «женские» сферы труда – домашнее хозяйство, пищевая и легкая промышленность, преподавание в школе. Редки женские образы преподавателей вузов. Это правдивое отражение реальности: согласно статистике, женщины составляли 75% работников народного образования, лишь около 4% женщин трудились в сфере науки. Освоение Сибири и Севера на плакатах и сюжетно-тематических картинах – традиционно мужская работа, также как рыболовство и добыча полезных ископаемых, плотничество, металлургия. Инновационные мужские профессии – вождение автобуса, такси, тепловоза и самолета, электроэнергетика.

Телесные образы работников торговли, общественного питания и бытовых услуг разнообразны, не стереотипны, но созданы лишь в карикатуре, детективе и комедии. Они отсутствуют в песне, редки в живописи. Это говорит о том, что в повседневной жизни труд в этих сферах занимал маргинальное положение между престижным и непрестижным, честным и нечестным.

Плакатный советский человек 1960–1980-х по-прежнему производил материальные блага и почти ничего не потреблял. В карикатуре – потребитель-«обыватель». Так искусство, выполняя свои основные функции, пыталось возвысить человека над миром вещей. В литературе и кино «честные труженики» представлены и в роли потребителей материальных благ, но ценность потребления для них ниже, чем, например, отзывчивость и дружба. Накопленные для приобретения вещей деньги они без колебаний отдают заботлившему другу. В условиях развития общества потребления и дефицита, все больше образов «обывателей».

В песнях и плакатной графике основным художественным образом субъекта советской хозяйственной культуры являются «руки рабочих». Телесные образы утверждают идею превосходства социального типа «строителя коммунизма»: его тело репрезентируется как «сверхпрочное». Телесность служит прямым выражением определенной социальной роли и аксиологического типа: «строитель коммунизма» или «обыватель». В живописи, литера-

туре, драматургии и киноискусстве телесность тонко и неявно выражает социальную роль человека и его аксиологический тип.

В § 3.2. «Вещи советской хозяйственной культуры в массовом искусстве» советская хозяйственная культура и ценностный мир ее субъекта рассмотрены через воплощение в образах массового искусства поселений и жилища, пищи, одежды и транспорта.

В художественных образах вещей проявляется особенность морфологического измерения советского искусства: песня, плакат и даже живопись изображают поселение и жилище, пищу и транспорт преимущественно в процессе их производства, в процессе труда. В литературе, драматургии, искусстве кино и телевидения эти вещи показаны не столько в процессе производства, сколько в процессе потребления. В изображении вещей принцип «правды жизни», так или иначе соединяется с приемами эстетизации реальности.

Поселения и жилище. В годы «оттепели» сохраняется преемственность с искусством 1930–1950-х гг. в изображении Москвы – это общий дом для советских людей, лучший город в СССР, архетипический образ Центра мира. Появляется новая тема, отражающая социальную проблему: «обыватель», житель Москвы и Ленинграда, не желает уезжать после окончания вуза по распределению «на периферию». Отъезд из столиц на далекий север и восток – знак самоутверждения, нравственного роста, переоценки ценностей. В литературе и кино «семидесятых» на фоне развития общества потребления в высказываниях «случайно прорывается» тема бытового превосходства Москвы над провинцией. Недоговоренное: сельская провинция лишена элементарных современных бытовых удобств. Развивается тема особых возможностей для профессиональной карьеры в Москве. Появляется сюжет, в котором героиня-москвичка уезжает на окраину страны к любимому человеку, что говорит о ее духовности.

Образы поселений и жилища отражают динамику социалистического хозяйства в ее переживании современниками. Образ романтического жилища – палатки в основном создавали плакат и песня. Если в 1960-е это жилье строителей и геологов, то в 1970-е – жилье туристов. Сельские дома в молодежной и натуралистической прозе «оттепели» нередко изображаются ветхими и бедными, жизнь в селе – некомфортной из-за дефицита электричества. Симпатии авторов явно на стороне современного городского жилья. В литературе и кино изображаются как типичное явление плохие сельские дороги и отсутствие дорог. В то же время деревенская проза, живопись и фильмы отразили сохраняющуюся в сознании общества ценность сельского дома и представления о его красоте. В «семидесятые», когда стали видны недостатки масштабных проектов типового жилья, в искусстве обыгрываются его стандартность, теснота и неудобство. Появляется тема размена квартиры. Получают отражение практика сдачи государственного жилья с недоделками и невысокие требования советского потребителя к качеству нового жилья. Показаны неформальные практики получения/расширения отдельного городского жилья. Отображаются повседневные формы сближения города с селом:

модный «народный» (сельский) стиль в городе, и стремление сельских жителей приблизить свое жилище по комфорту и интерьеру к городскому.

В художественных образах повседневности раскрывается, что в 1970-е люди живут в коммуналках не потому, что для них важны коллективистские ценности, а потому что они – недавние мигранты из села, работники непроизводственных отраслей хозяйства, иногородние студенты или непрактичные люди. Однокомнатная квартира на семью из трех человек также служит знаком непрактичности хозяев. В детективных образах жилья выявлены бинарные оппозиции: у «обывателей» – импортные мебельные гарнитуры, у «честных тружеников» – отечественная дешевая мебель; у «обывателей» импортная бытовая техника, у «честных тружеников» – отечественная; у «обывателей» жилье украшено дорогим антиквариатом, хрусталем и живописью, у «честных тружеников» – фотографиями, цветами и дешевыми репродукциями.

Пища. В песне и плакате в образах хозяйственной повседневности отражено производство, в первую очередь, хлеба – как символа народного богатства, изобилия материальных благ. В литературе, искусстве кино и телевидения наряду с этим изображается первичный уровень производства молока, овощей и фруктов в колхозах и совхозах. Этим и ограничивается художественное отражение производства пищи, за исключением редких примеров промышленного рыболовства и производства кондитерских изделий.

Образы пищи в процессе ее потребления отражают динамику социалистического хозяйства в ее переживании современниками. В литературе и киноискусстве «оттепели» показано, что горожанам с доходами выше среднего уровня доступны все деликатесы в свободной государственной торговле. У крестьян со скудными денежными средствами знак достатка – продукты, купленные в магазине (не деликатесы). Во всех каждодневных трапезах непременно присутствуют хлеб и сливочное масло: знак общего достатка, решения задачи обеспечения населения основными продуктами питания. Блюда с целыми плодами, большой домашний пирог, шампанское и коньяк, шпроты и шоколадные конфеты, апельсины на праздничном столе рядовых «честных тружеников» – знаки прочного достатка. Хозяйственный провал начала 1960-х в обеспечении населения продуктами питания не нашел отражения в советском массовом искусстве.

В художественных текстах «семидесятых» получила отражение повседневность в основном Москвы и Ленинграда. Изображается достаточно широкий, доступный для рядовых москвичей ассортимент продуктов в магазинах. Но в диалогах «прорывается», что семья молодых инженеров с двумя детьми на полноценное питание без деликатесов тратит почти все деньги. В недосказанном выступает проблема: либо хозяйка нерасчетливая, либо зарплаты слишком малы (Н. Баранская «Неделя как неделя»). В текстах все меньше описаний богатых праздничных столов. Их не украшают блюда с целыми плодами, традиционные домашние пироги вытесняются домашним или фабричным тортом и конфетами. Это говорит о многом: о развитии дефицита и удорожании продуктов питания, о том, что у женщин не хватает времени на домашнее хозяйство, о развитии пищевой промышленности, об изменении

вкусовых предпочтений людей. Образы пищи служат социокультурной характеристикой хозяев и выражением их ценностных ориентаций: рабочие с популярным вкусом на новоселье традиционно готовят винегрет, интеллигенция с утонченным вкусом приглашает гостей на домашнюю итальянскую пиццу. У крестьян сохраняются традиционные представления о богатой жизни: мясо на столе «круглый год». Знаком скромного достатка и ориентации на традицию служит домашнее варенье, предлагаемое гостям к чаю. Икра лососевых рыб и другие рыбные деликатесы на протяжении всего изучаемого периода выступают знаком хорошей жизни и особого торжества. К концу 1970-х это знак принадлежности к сфере распределения и привилегий, также как конфеты или торт «Птичье молоко». Возможность накрыть стол целым набором дефицитных продуктов – знак принадлежности к системе распределения товаров, к советской и партийной элите. Но возможность отобразить последнее появилась лишь с началом Перестройки.

Искусство «семидесятых» все чаще использовало приемы эстетизации реальности. Тема дефицита повседневных продуктов питания не затрагивается. Более свободно искусство в изображении дефицита деликатесов, но реальность эстетизируется: дефицит осетровой икры объясняется лишь деятельностью «обывателей»-браконьеров. Показано развитие сети общественного питания, но не изображаются очереди в доступные по цене столовые и кафе. По мере роста дефицита, снижения качества продуктов питания в государственном секторе, а также развития ЛПХ, знаком благосостояния, прочного достатка становятся продукты из своего хозяйства. Горожане с «нетрудовыми» доходами регулярно питаются с рынка. Для рядового «честного труженика» продукты с рынка очень дороги.

Одежда. В образах искусства промышленное производство одежды не изображается, затронута лишь проблема низкого качества индивидуального пошива (ателье). Одежда представлена как материальное благо в процессе потребления. В образах повседневности, с той или иной мерой эстетизации, искусством отражена реальная одежда советского общества. Сопоставление образов искусства с социокультурным контекстом (фотографиями из семейных альбомов) позволяет утверждать, что в середине 1950-х советское общество не было одето так мрачно и убого, как это показано в фильме В. Тодоровского «Стиляги».

В той или иной мере одежда служит выражением определенной социальной роли и аксиологического типа субъекта культуры. По художественным образам спецодежды выявляются наиболее модернизированные сферы социалистического хозяйства (электроэнергетика, топливная промышленность, металлургия, машиностроение, строительство) и наименее модернизированная сфера – сельское хозяйство. В эксплицитном содержании произведений искусства выявляется, что до конца «семидесятых» для советского человека, как «честного труженика», так и «обывателя», лучшей и желанной была одежда зарубежного производства. Наиболее модно одет «обыватель», что отражает его ценностные ориентации. В текстах начала 1980-х показано развитие в советском обществе демонстративного потребления одежды.

Модная, импортная одежда – знак успешности. «Честный труженик», как правило, отстает от моды, но даже он в начале 1980-х идет за джинсами к фарцовщику. До конца 1970-х по одежде легко определяется принадлежность человека к сельской субкультуре. Адаптация сельского жителя в городе в первую очередь проявляется в одежде: сказывается традиционная установка «По одежке встречают».

В детективных образах модная и дорогая, импортная, качественная, разнообразная одежда и обувь – неперенная характеристика субъектов теневой экономики. Такую же одежду носят люди, работающие в сфере распределения материальных благ и те, кто по роду своей деятельности часто или регулярно выезжает за границу. В скромную, простую одежду, купленную в магазине или шитую самодельно одеты рядовые «честные труженики». Если у них имеются модные и дорогие импортные вещи, то, как правило, единичные и приобретенные путем экономии. По детективным образам одежды и субъекта культуры выстраиваются пары оппозиционных концептов: дорогая, модная, но неброская одежда преступников – недорогая, отечественная, модная (иногда броская, «пижонская») одежда «честных тружеников»; обилие модной и дорогой, импортной одежды у преступников – единичные модные, дорогие импортные вещи в гардеробе «честных тружеников»; изобилие драгоценных украшений (золото, бриллианты) у преступников – отсутствие таковых у честных тружеников.

Транспорт. В песне, плакате и живописи изображен преимущественно общественный транспорт как средство труда в процессе труда. В литературе и киноискусстве общественный транспорт изображается и в процессе производства, и как средство труда, и как материальное благо. С начала 1970-х все чаще изображается процесс производства автомобилей в связи с развитием советской автомобильной промышленности.

В литературе и киноискусстве периода «оттепели» поезд, пароход и самолет выступают знаками больших перемен в жизни: человек едет, плывет и летит строить заводы, мосты и города, поднимать целину. Образы самолета, поезда и парохода окрашены романтикой. В финальных кадрах фильмов – поезд, уносящий главных героев на восток от домашнего уюта и комфорта столичной жизни. Показано, что в СССР развиты все виды современного общественного транспорта. При этом в общественном хозяйстве до конца 1970-х используется традиционный гужевой транспорт.

Пользование общественным транспортом социально стратифицировано: если плацкарта по цене общедоступна, то в купе едут главным образом командировочные – партийные и советские руководители, специалисты, а также люди с высокой зарплатой (офицеры, ученые, известные артисты, нефтяник, шахтер). Купе оказывается «не по труду» колхознику: в мягком вагоне он едет по крайней необходимости, когда других билетов нет или если по ошибке схватил купейный билет. В эксплицитном содержании текстов выявляется, что услугами такси рядовые советские люди пользовались в редких случаях (тяжелый багаж, срочная поездка – вопрос жизни, особое торжест-

во). Та часть горожан, которая часто использовала такси, имела зарплату выше средней или «нетрудовые доходы».

Личный транспорт как материальное благо в процессе потребления изображен преимущественно в литературе и киноискусстве. Образы хозяйственной повседневности позволяют понять, что собственность личного транспорта социально стратифицирована: владельцы автомобилей «народных» марок являются люди с зарплатой средней или выше средней. Владельцы дорогого автомобиля «Волга» — люди с высокой должностью и зарплатой, с ученой степенью и званием. Личная «Волга» у человека с рядовой должностью и зарплатой — знак «нетрудовых доходов», хищений социалистической собственности или взяток. В целом, личный автомобиль — знак успешности. С начала 1970-х люди с высокими заработками пересаживаются на «Жигули». Личная «Волга» остается автомобилем амбициозных теневиков с Кавказа. Знаком успешности выступает не вообще автомобиль, а «Жигули» последней модели. С начала 1970-х теневики предпочитают «Жигули», потому что «Москвич» ниже их неформального социального статуса, а «Волга» привлекает внимание ОБХСС. В конце 1970-х использование «Москвича» или «Запорожца» середины 1950-х — знак очень скромных доходов. По детективным образам автомобиля и субъекта культуры выстраиваются пары оппозиционных концептов: личный автомобиль — доступная вещь для «обывателей»-теневиков, «Жигули» — на уровне или ниже их финансовых возможностей. Для рядовых «честных тружеников» автомобиль — почти роскошь, «Жигули» — выше финансовых возможностей.

Художественные образы технических вещей и субъекта культуры показывают, что в советском обществе 1970-х «честный труженик» в получении материальных благ менее адаптирован, чем «обыватель».

Социальная организация. В образах искусства многопланово представлены социальные организации, служащие для производства и распределения материальных (в первую очередь) и духовных благ, как универсальные индустриальные и традиционные формы в их социалистической специфике (цех, фабрика, завод, шахта, рынок, магазин, кафе, ресторан, гостиница и др.), так и социалистические формы: колхоз, совхоз, трудовой коллектив. Образы завода отражают сложный процесс модернизации социалистического хозяйства, служат метафорой противоречивого роста, конфликта нового со старым.

В песне и плакате, а также в живописи, изображаются исключительно организации, связанные с производством материальных благ. В литературе, драматургии, искусстве кино и ТВ наряду с производственными организациями широко представлены организации, связанные с распределением материальных благ, и отображен дефицит последних. В эксплицитном содержании высказываний выявляется специфика «колхозного» рынка: «прорывается», что в отличие от государственного предприятия там нечего украсть.

Во всех видах и жанрах советского искусства отображен трудовой коллектив. В массовой песне, плакате, живописи и скульптуре трудовой коллектив показан преимущественно на рабочем месте в процессе труда, а также в торжественные моменты вручения знаков морального поощрения, редко — на

отдыхе. В литературе, драматургии и киноискусстве «оттепели» трудовой коллектив – это «первичная ячейка социалистического хозяйственного организма» и «большая семья», решающая производственные и личные проблемы: он заботится о вдове и детях погибшего товарища, помогает профессиональному становлению новичка, защищает честь товарища от бюрократов и т.п. «Строители коммунизма» используют ценность коллективизма преимущественно для общественной пользы, «честные труженики» – равно для общественной и личной пользы. «Обыватель» ориентируется на коллективизм, если в коллективном действии усматривает свой личный интерес.

В образах искусства «семидесятых» свою ценностно-ориентирующую, регулирующую и социализирующую роль трудовой коллектив выполняет формально. Его функции сводятся к организации общего досуга, совместных праздников и взаимопомощи в устройстве домашнего хозяйства. Если в искусстве «оттепели» трудовой коллектив почти всегда поддерживает «строителя коммунизма» в борьбе с «обывателем», то в искусстве «семидесятых» он в стороне, отмалчивается или отшучивается, а «строитель коммунизма» или «честный труженик» остается один на один в борьбе с хозяйственными нарушениями «обывателя». Это значит, что трудовой коллектив состоит в основном из «обывателей», у которых коллективизм по-прежнему проявляется лишь тогда, когда они видят в коллективном действии личный интерес. На собраниях они голосуют за то решение, которое принесет лично им материальную пользу или сиюминутно выгодно, не вникая в суть конфликта. Все меньше примеров участия всего трудового коллектива в решении личных проблем товарища.

В Заключении подводятся итоги диссертационного исследования, делаются основные выводы.

- В научный оборот введены системно-целостные определения хозяйственная культуры и хозяйственной культуры повседневности, что позволило выйти за рамки узкого понимания хозяйственной культуры обыденного уровня как домашнего хозяйства или сферы быта и проанализировать советскую хозяйственную культуру повседневности как сложную целостность во взаимосвязи всех подсистем, форм предметности и уровней.

- В исследовании поставлена и решена проблема осмысления феномена советской хозяйственной культуры повседневности в ценностном аспекте с точки зрения ее воплощения в массовом искусстве 1960 – 1980-х гг.

- В ходе исследования получила подтверждение выдвинутая в работе гипотеза о том, что массовое искусство является ничем не заменимым источником познания хозяйственной культуры повседневности и ценностного мира ее субъекта.

- Исследование значительно расширило представления о роли массового искусства в формировании ценностных ориентаций субъекта хозяйственной деятельности.

- Результаты исследования доказана актуальность и эффективность культурологического дискурса для изучения советского типа хозяйственной

культуры повседневности в образах массового искусства. Намечены основные культурологические направления дальнейшего изучения советской хозяйственной деятельности.

Основные результаты диссертации отражены в публикациях автора:

Монографии и учебные пособия:

1. Анашкина Г. П. История культуры России в нравах. Программа курса профильного обучения для учащихся 11-х классов гуманитарного и социально-экономического профилей // Сборник программ элективных курсов по истории, истории культуры. Ульяновск: УИПКПРО, 2005. 0,7 п.л.
2. Анашкина Г. П. История культуры России в нравах. Советский период: хрестоматия // Сборник программ элективных курсов по истории, истории культуры. Ульяновск: УИПКПРО, 2005. 2 п.л.
3. Анашкина Г. П. Нравы советского времени // Культурология: Электронный учебный курс. Часть 3. – Ульяновск: УлГУ, 2005. 4 п.л.
4. Анашкина Г. П. История и культура России XX века в нравах: хрестоматия. Ульяновск: УлГТУ, 2006. 7,7 п.л.
5. Сидорова Г.П. Культура советской эпохи. Актуальные проблемы современной отечественной культуры: учебно-методическое пособие по культурологии. Ульяновск: УлГТУ, 2007. 4 п.л.
6. Сидорова Г.П. Повседневная хозяйственная культура России 1960-1980-х годов в массовой литературе: подходы к изучению: Монография. Ульяновск: УлГТУ, 2010. 16,28 п.л.
7. Сидорова Г.П. Советская хозяйственная культура повседневности в массовой художественной литературе 1960–1980-х: ценностный аспект: Монография. Ульяновск: УлГТУ, 2011. 17, 67 п.л.
8. Сидорова Г. П. Советская хозяйственная культура повседневности в массовом искусстве 1960-1980-х: ценностный аспект. – LAMBERT Academic Publishing, Saarbrücken, Germany, 2011. 22,7 п.л.

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах ВАК РФ:

9. Анашкина Г. П. Досуг интеллигенции в Ульяновске // Социологические исследования. 2001. № 12. 0,5 п.л.
10. Сидорова Г.П. Семиотика повседневности: женское курение как текст // Вопросы культурологии. 2009. № 8. 0,5 п.л.
11. Сидорова Г.П. Советская массовая литература 1960-1980-х гг.: читательские предпочтения // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 3 (16). 0,4 п.л.
12. Сидорова Г.П. Тексты советской повседневности в массовой литературе и смыслы хозяйственной культуры // Вопросы культурологии.. 2010. № 12. 0, 4 п.л.
13. Сидорова Г.П. Идеал коммунизма в массовой литературе «оттепели» как художественная репрезентация советской культуры // Вестник Орловского государственного университета. Сер. Новые гуманитарные исследования. 2011. № 2 (15). 0,7 п.л.

14. Сидорова Г.П. Массовая литература и читательские предпочтения 1960-х – начала 1980-х // Социологические исследования. 2011. № 2 (322). 0,4 п.л.
15. Сидорова Г.П. Ценность труда в массовой литературе «оттепели» как художественная репрезентация советской культуры. // Философия и культура. 2011. № 5(41). 0,6 п.л.
16. Сидорова Г.П. Советская хозяйственная культура в формах материальной предметности и образах массового искусства 1960 – 1980-х гг.: тело человека // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 3 (24). 0,4 п.л.

Другие публикации, отражающие содержание диссертации:

17. Анашкина Г. П. Актуальность вузовского курса «культурология» // Гуманизация и гуманитаризация образования: Материалы 2-й Международной научно-методической конференции. – Ульяновск: УлГУ, 2000. 0,2 п.л.
18. Анашкина Г.П. Полевые методы в исследовании досуга населения российского провинциального города // Полевая этнография: Материалы международного науч. конф. /Под ред. В.А. Козьмина. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2004. 0,3 п.л.
19. Анашкина Г. П. История культуры России XX века в нравах // Наука и культура России: Материалы II Международной научно-практической конференции. Самара, 2005. 0,2 п.л.
20. Анашкина Г. П. Интеграция знаний в изучении российской культуры (на примере учебного курса «История и культура России в нравах» // Интеграция образования и науки: Сборник трудов участников Всероссийской научно-практической конференции (15-16 декабря 2005.). Москва-Ульяновск-Чебоксары, 2005. 0,3 п.л.
21. Сидорова Г. П. Культура и образ жизни российской провинции в русской художественной литературе 19 века // Гуманизация и гуманитаризация образования 21 века: Материалы 8-й международной научно-методической конференции – Ульяновск: УлГПУ, 2007. 0,3 п.л.
22. Сидорова Г. П. Культура повседневности: питание и частные стратегии жизнеобеспечения в советской России // Россия и мир: история, политика, культура: сборник научных трудов. Ульяновск: УлГТУ, 2007. 0,6 п.л.
23. Сидорова Г.П. Образ жизни актрисы в контексте культуры повседневности советского времени // Женщина в культуре России: материалы XV Всероссийской научно-практической конференции «Человек в культуре России». Ульяновск: УИПКПРО, 2007. 0,2 п.л.
24. Сидорова Г. П., Кадрова Е. П. Быт в советской России как фактор экстремального поведения людей (1930-е-1980-е) // Быт как фактор экстремального влияния на историко-психологические особенности поведения людей: Материалы XXII научной конференции. Санкт-Петербург, 2007. 0,3/0,2 п.л.
25. Сидорова Г. П. Женский опыт курения как текст (на материалах советской художественной литературы и киноискусства) // Проблемы женского опыта и идеала в различных культурах: материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции «Человек в культуре России». Ульяновск: УИПКПРО, 2008. 0,2 п.л.

26. Сидорова Г. П. Культурологические аспекты повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» // Гуманизация и гуманитаризация образования XXI века. Материалы X Международной научно-методической конференции. Ульяновск: УлГПУ, 2009. 0,2 п.л.
27. Сидорова Г. П. Субкультура российского провинциального города кон. 19 в. (по произведениям А.П. Чехова) // Проблемы социально-экономического, политического и культурного развития Российского Отечества: сборник научных трудов /Под ред. С.В. Осипова – Ульяновск: УлГТУ, 2009. 0,7 п.л.
28. Сидорова Г. П. Повседневная хозяйственная культура: подходы к пониманию // Знание и понимание: сферы и границы: сборник научных трудов. Ульяновск: УлГТУ, 2010. 0,5 п.л.
29. Сидорова Г.П. Советская хозяйственная культура: адаптация официальных идеалов и ценностей на повседневном уровне // Проблемы социально-экономического, политического и культурного развития России. Выпуск четвертый: сборник научных трудов. Ульяновск: УлГТУ, 2010. 0,3 п.л.
30. Сидорова Г. П. Культура повседневности и нравы российской научной интеллигенции 1920-х (повесть М.А. Булгакова «Собачье сердце») // Литературы народов России в социокультурном и эстетическом контексте: Материалы XIV Шешуковских чтений. М.: МПГУ, 2010. 0,5 п.л.
31. Сидорова Г. П. Уроки советской хозяйственной культуры: адаптация официальных ценностей в повседневной жизни // Россия в многополярном мире: сборник научных трудов IV Всероссийской научно-практической конференции. Ульяновск, 2010. 0,5 п.л.
32. Сидорова Г. П. Повседневная хозяйственная культура: подходы к определению понятия // Роль культурологии в современном мире: Материалы Четвертого Собрания Научно-образовательного культурологического общества, научно-практической конференции, коллоквиума 15-17 апреля 2010 года. СПб.: Изд-во РХГА, 2010. 0,5 п.л.
33. Сидорова Г. П. Подходы, методы и практика отбора текстов массовой литературы 1960-х-1980-х для изучения советской повседневности // Третий Российский культурологический конгресс с международным участием. – СПб.: ЭЙДОС, 2010. 0,1 п.л.
34. Сидорова Г. П. Ценности повседневной жизни советского человека 1970-х // Гуманизация и гуманитаризация образования XXI века. Материалы XI Международной научно-методической конференции. Ульяновск: УлГПУ, 2010. 0,6 п.л.
35. Сидорова Г. П. Коммунистическая идея в художественной литературе «оттепели» // Проблемы социально-экономического, политического и культурного развития России: межвузовский сборник научных трудов. Ульяновск: УлГТУ, 2011. 0,5 п.л.
36. Сидорова Г. П. Коммунистическая мораль в текстах повседневности: советский детектив 1960–1980-х годов // Культура и искусство. 2011. № 3 (3). 0,4 п.л.
37. Сидорова Г. П. Ленинградцы 1970-х: ценности повседневной жизни (по повести Н. Долининой «Разные люди») // Концептуальные образы Санкт-

- Петербурга в современной российской и европейской культуре, искусстве и литературе: Материалы Международной конференции. СПб.: Петрополис, 2011. 0,5 п.л.
38. Сидорова Г. П. Тело субъекта советской хозяйственной культуры в массовом искусстве 1960–1980-х // Вузовская наука в современных условиях: сборник материалов 46-й научно-технической конференции (23-28 января 2012 года). В 3 ч. Ч.3. Ульяновск: УлГТУ, 2012. 0,2 п.л.
39. Сидорова Г. П., Файбусович Э. Л. Человек в советской культуре: технология и этика межличностных взаимодействий // VI Сытинские чтения: Материалы Международной научно-практической конференции «Человек и История: вариации на тему», посвященной памяти ученого и краеведа С. Л. Сытина. Ульяновск, 21-22 октября 2010 года. Ульяновск: Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2012. 0,3/0,2 п.л.
40. Сидорова Г. П. Формы материальной предметности советской хозяйственной культуры в массовом искусстве 1960–1980-х: тело человека // Materialy VIII mezinarodni vedecko-practicka conference «Vega a technologie; krok go budaucnosti – 2012». Díl 25. Filosofía. Praha: Publishing House «Education and Science», 2012. 0,2 п.л.
41. Сидорова Г. П. Ценность профессии учителя в образах советского массового искусства 1960–1980-х // Гуманизация и гуманитаризация образования XXI века. Материалы XIII Международной научно-методической конференции. Ульяновск: УлГПУ, 2012. 0,2 п.л.
42. Сидорова Г. П. Советская хозяйственная культура в формах материальной предметности и образах массового искусства 1960–1980-х: транспорт // NB: Культуры и искусства. 2012. № 2. 0,3 п.л. URL: e-notabene.ru/ca/rubric_173.html.
43. Сидорова Г. П. Советская хозяйственная культура в формах духовной предметности и образах массового искусства 1960–1980-х: ценность труда // NB: Философские исследования. 2012. № 4. 0,3 п.л. URL: e-notabene.ru/fr/contents_2012_4.html.
44. Сидорова Г. П. Ценность профессии учителя в советской культуре и ее отражение в массовом искусстве 1960–1980-х // NB: Педагогика и просвещение. 2012. № 1. 0,22 п.л. URL: e-notabene.ru/pp/rubric_44.html.
45. Сидорова Г. П. Ценности советской хозяйственной культуры в массовом искусстве 1960–1980-х: профессия // Культура и искусство. 2012. № 6 (12). 0,6 п.л.
46. Сидорова Г. П. Советская хозяйственная культура в формах материальной предметности и образах массового искусства 1960–1980-х: транспорт // История науки и техники глазами молодых исследователей: сборник материалов международной научной конференции. Ульяновск, 20-22 ноября 2012 г. Ульяновск: УлГТУ, 2012. 0,3 п.л.
47. Сидорова Г. П. Субъект советской хозяйственной культуры в массовом искусстве 1960–1980-х: образы тела // NB: Философские исследования. 2013. № 1 (январь). 0,5 п.л. URL: e-notabene.ru/fr/contents_2013_1.html.

Подписано в печать 14.02.2013г.
Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 2,8. Тираж 120 экз.
Заказ № 2983.

Отпечатано в ООО «Издательство “ЛЕМА”»
199004, Россия, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 24
тел.: 323-30-50, тел./факс: 323-67-74
e-mail: izd_lemma@mail.ru
<http://www.lemaprint.ru>